

Альбина
Акритас

Стихотворения
и поэмы

2011 год

* * *

В холсты и краски ухожу,
Пусть бог поможет.
С друзьями больше не дружу,
Врагов докучных не сужу,
Тоска не гложет.
Не уповаю на апрель,
На май тем боле.
Пусть не свирепствует капель,
Я на приколе.
Не оторвусь, не уплыву,
Никто не нужен.
Топтать весеннюю траву?
Бродить по лужам?
Нет, нет, мне это не к чему.
Я бедно-худо
Холсты и краски обниму,
Лишь с ними буду.
Они одни были верны
И утешали.
Весной прекрасно влюблены,
Зимой в печали,
Осенним золотом цвели
Чужды усилий,
И поднимали от земли
И уносили.
В холсты и краски ухожу,
К своим пенатам.
С людским базаром завяжу,
Я в божьей армии служу
Простым солдатом.

7 ноября 1993 г.

* * *

У меня аллергия на власть:
Прикоснусь – и сейчас же больна!
Мне командовать – будто бы красть
Иль в дерьмо опускаться до дна.

Мне кого-то чему-то учить –
Сто болячек себе наживать!
Я солдат, мне сержантом не быть,
Генералом тем боле не стать.

Уважаю свободу людей –
Каждый волен, он сам по себе:
Пусть идёт по дороге своей,
В своей вере, рубашке, судьбе...

Пусть скитается там или тут,
Строит храмы и чтит Божество,
Ведь с него только плату возьмут,
Строго спросят с него одного.
Для чего мне чужой непокой?
Никого не желаю лишить
Привилегии нашей святой –
Самому за себя заплатить.

2003 г.

* * *

Посвящается В.С. Сорокину

Великую истину ты мне сказал;
Какая нам разница, что в результате?
Мы – доноры: нате, и нате, и нате...
И умер – как понял, что недоотдал.
Кому отдаём? Вам, собравшимся в зале?
Народу любимому? Не угадали!
Свой дар ненасытный питаем собою,
Призвание, что обернулось судьбою!

Голодный талант. Он с утра и до ночи,
С утра и до ночи наш труд потребляет.
Ни мыслей, ни времени не оставляет,
Ни с кем и ничем поделиться не хочет!

Ты это усвоил, Семёныч, я тоже.
Вот так и живём, измениться не можем.
Да что там не можем, ведь нет и хотенья!
Мы любим тирана, нам сладко общенье!

И нету нам разницы, что в результате,
Одна только мысль – до палитры дорваться,
С утра и до вечера с ней оставаться,
Уйти, лишь себя до упора расстратив.

Пустой оболочкой доплыть до постели,
Уснуть, позабыться, силёнок набраться –
И снова к палитре! А как вы хотели?
Чтоб это для вас? Ошибаетесь, братцы!

Всё это во имя, во славу тирана –
Таланта любимого! Страшно подумать
Ему изменить! Только верность желанна,
Измен не прощает, уходит без шума...

С ним вместе душа покидает изгоя.
Живёт оболочка – богата, известна!
Но нет сердцевины, а все остальное
Не важно, не нужно и неинтересно.

30 сентября 2004 г.

* * *

Давайте, давайте сорвёмся с цепи!
Пусть станет нам ложь незнакомой.
Пускай, погибая, визжит и вопит
О казни своей незаконной!

Нужна, мол, для благополучья детей,
Спокойствия и процветанья,
Для реализации важных затей,
Для жизненных благ хватанья!

Пошлём, наплюём! Перестанем ронять
Себя недостойным притворством,
Кадить дуракам, подлецов восхвалять –
Шокируем мир непокорством!

Давайте сорвёмся – была не была!
Давайте поищем другого
Душе состоянья! А вдруг ей мила
Покажется жизни обнова?!

А вдруг она этого только и ждет,
Чтоб сделаться очень счастливой?!
Ей так надоело среди нечистот,
Так хочется альтернативы!

Порядочность, честность – какие слова,
Какие за ними понятия!
Сорвёмся с цепи! А коль я не права,
Задумавши мероприятия,

Вы все отойдите – пускай я одна
Сорвусь и пожну результаты!
Вы скажете: «Да, на головку больна...»
И будете правы, ребята!

2003 г.

* * *

Живое меняется каждый день.
Оно и должно меняться.
Допустим, сегодня работать лень,
Не стоит собой возмущаться.

Не стоит бегать, не надо искать,
Вообще ничего не надо.
Душа утомилась, хочет поспать.
Она отдохнёт и будет опять
К работе вернуться рада.

Ты дай ей понежиться в тишине,
Крылатой своей подруге.
Пускай никакие звуки извне
И творческие потуги

Не нарушают блаженство сна,
Не принуждают к полёту.
Лучше тебя знает она,
Когда продолжить работу.

Академичка, лето 1987 г.

* * *

Заберите это тело,
Эту тяжесть, эту гирию;
Без него летать в эфире
Я бы право заимела!

Кувыркаться беззаботно,
Позабыв бесповоротно
Все земные заморочки,
Все – от точки и до точки.

Никаких чтоб продолжений,
Двоеточий с запятыми,
Пусть земля без рассуждений
Мой прикид обратно примет.

Ей, возможно, пригодится;
Вдруг кого ещё оденет.
Всё по списку – ягодицы,
Сердце, мозг, ступни, колени –

Всю в наличии сдаю
Упаковку! Без скандала.
Я не всё ещё сказала,
Не сбивайте, не люблю...

Мне хотелось бы присвоить
Только мелочь – ощущение
Невесомого паренья!
Соглашайтесь; что вам стоит?
Чтоб заботы беспокоить

Никакие не могли.
Пусть валяются в пыли
На земном на пепелище.

Там их кто-нибудь отыщет
И займётся – это ж там
Разлюбезнейшее дело!
Ну а я бы не хотела
В безграничность беспредела
Затащить ненужный хлам.

Вот, теперь сказала всё.
Как, возможно соглашение?
Принимайте же решение!
И как бодрый новосёл,
К вам явлюсь без промедленья!

27 сентября 2003 г.

Флоренция – трагедия иль водевиль?
Неосторожное свиданье или карма?
Но избежать мне ительянского плацдарма
Нельзя, как видно, было... Много, много миль

Легло под крылья самолёта. Прилетела.
Не разобравшись, кто есть кто, на всех глядела.
Теперь уж месяц дома, но могу признаться:
Никак не в силах я с Тосканою расстаться.

Не знала, что вот так со мной произойдёт,
Что попаду я в заколдованное место...
Давно вокруг Москва, липучий снег идёт,
Ну а во мне ещё Флоренция живёт –
Души моей недолговечная невеста.

Вот еду – пригород, автобус и попса,
Мелькание огней, мобильники соседей,
Ну а Душа, моя Душа Тосканой бредит.
И будет бредить ещё целых полчаса,
Пока в Селятино автобус не приедет.

Ну вот, приехали. Кругом белым-бело,
Повсюду снег, хотя мороза меньше стало,
Дорогу к дому капитально замело,
Хоть я вчера её старательно топтала.
Ну как, Флоренция, не холодно тебе?

Сейчас вы выйдем, и по лесу, словно тени,
Пойдём домой. Ах, дорогое наважденье!
Побудь пожалуйста, побудь в моей судьбе,
Не собираюсь учинять тебе гоненье.

16 декабря 2006 г.

* * *

Как-то я недогуляла,
Недомёрзла эту зиму.
А уже весна настала,
От тепла неотделима.

За делами, за словами,
Суетою, беготнёю
Я, снежинки, мало с вами
Хороводилась зимою.

Мало с горки наскользила.
Было времени в обрез.
В лес почто что не ходила,
Не на лыжах и не без.

Гололёдом на дороге
Так недолго затруднялась,
Что в душе большой тревоги
Ощущение осталось.

Почему тепло и лужи?
Что за странности в природе?
Иль земля быстрее кружит
И быстрее солнце всходит?

Время катится как будто
Просто поезд скоростной,
Лишь уснул – уже побудка,
Лёг зимою, встал весной!

Вот как я. Недоглядела
Эту зиму. Извините.
Мне до марта нету дела,
Мне февраль назад верните.

31 марта 1993 г.

* * *

Неизбежность – основание всего,
Что случается до вечера с утра,
Ночью тоже... Неизбежности – ура!
Существует без согласия моего.

Неизбежность – то есть мне не избежать
Ни программы, ни диктаторских словес,
Невозможно неизбежности вразрез
Шевельнуться или что-нибудь сказать.

Она ранее меня сюда пришла,
А возможно и всё время здесь жила,
А меня уже потом к ней подобрали,
Не спросили, но надёжно примотали.

Я, конечно, ни о чём не догадалась:
Всё казалось – самостийно выступаю!
Оказалось – это только так казалось,
А на деле ничего я не решаю:

Просто маленький покорный исполнитель...
Что, не так? Глаза откройте, посмотрите!
И ещё – как только роль свою сыграю,
Я уйду, меня задерживать не станут,

Нужен будет лицедей другого плана,
Неизбежность будет в принципе иная.
От неё я удалюсь без сожаленья,
Пусть другими помыкает без зазренья!

2009 г.

* * *

Стихи пишу, чтоб их забыть.
Я с космосом в соединенье.
Люблю, когда велит любить.
Конечно, это угнетенье,
Но я не собираюсь ныть.

Вот только сны мои забрал,
Совсем поспать не разрешает,
Несправедливый генерал.
Куда он только их деваает?
Кому-то дарит, продаёт?
Иль просто выспаться желает?

Всё спит и спит, и мной не правит.
А в результате – вот пишу,
Не в силах резвости убавить.
О снисхождении прошу.

Проснись, начальник, я устала,
Верни мне сон, возьми перо!

Пиши, ведь это не хитро,
А я забьюсь под одеяло.

1997 г.

* * *

Каждому старту – финиш!
Когда-нибудь душу вынешь,
На полку к себе положишь,
А тела уничтожишь.
А я куда одеваюсь?
К чему сильнеей прикрепляюсь?
К духу или же к телу?
Я бы узнать хотела.
А впрочем, что толку в знанье,
Коль нет у меня влиянья
В той самой высокой лиге,
Где все плетутся интриги?

Где нас казнят, награждают,
Всегда во всём побеждают...

25 сентября 1997 г.

* * *

Ноябрьским утром потревожен,
Осенней полон красоты
Проснулся двор... Трава, кусты,
На лужах листья, как на ложе,
Деревьев серые стволы,
Песочница, при ней качалка,
Строительных каркасов свалка...

Снежинок с дождиком пюре,
Ворона, пёсик без хозяйки,
Мои рифмованные байки –
Всё приютилось во дворе...

Вы не поверите – но так
Красивы все предметы вместе!
Любой бессмысленный пустяк
Сияет ягодкою в тесте!

Любая банка иль пакет
Картину счастья дополняет!
Такое изредка бывает –
Блаженства золотистый свет
Души просторы озаряет!

Кто б возражал! Пардон, не я...
Любимейшее состоянье!
Всё совершенство бытия
Здесь во дворе! Души летанья

Здесь происходят наяву!
В участники вас не зову –
Оно моё! Лишь отголоски,
Далёкий гармоничный звон,
Вам слышен... Но откуда он –
Моих восторгов снимок плоский –
Пусть будет тайной...
Что за дело?

Я ж о дворе сказать хотела!
Но... отвлеклась. Простите, каюсь...
Всю жизнь куда-то отвлекаюсь.

3 ноября 2003 г.

* * *

Знаю, что хожу по краю,
Но пока что загораю,
Невзирая на молву.
В поддавки с судьбой играю,
Все ходы перевираю,
Увлекательно живу.

Долго ль играм продолжаться
И партнерам суетиться —
Узнавать я не хочу.
И не стану обижаться,
Если проигрыш случится,
Благодарно промолчу.

1992 г.

* * *

Написать что ли мне поэму
Поздней осенью в мастерской,
На весеннюю лёгкую тему,
И печали чтоб никакой!

Ну и что, что жизнь непростая?
Я об этом писала уж.
Всё ж какая там никакая,
А она – пристанище душ.

Всюду души – в траве, в деревьях,
И ужасно нравится мне,
Что душа вороною в перьях
Ночью спит на душе-сосне...

И в картинах – люди, наяды,
Боги – все одушевлены.
Лишь дождутся ночи – и рады
Втихаря сползти со стены...

И общение с ними – тема
Для прелестной лёгкой поэмы!

5 ноября 2010 г.

* * *

Был недавно первый снег
Счас последний... Неужели?
Снова в белых платьях ели.
Гибнет в бешеной метели
Марта призрачный успех.

Да, конечно, посветлело,
Но опять под снегом белым
Прошлогодня трава,
Поседевшие постройки
И осевшие помойки...
Да ещё идёт молва,

Что теперь надолго это,
Может даже до июля,
Может быть до сентября -
Изобилии солнца, света
И мороза! Лету - дуля!
Я надеюсь, что не зря

Эти слухи. Так им рада!
Мне бы только снегопада,
Мне бы долгих белых зим!
Но боюсь, соседи-братцы
Ни за что не согласятся
С этим мнением моим.

8 марта 1998 г.

Судья

ПОЭМА

*Посвящается Роберту Ван Гулику,
автору книг о китайском судье Ди.*

Сегодня в Сибири купила
Тетрадку. Мелочь? Как кому...
В неё противиться не в силах,
Упрячу опус, как в тюрьму:
Китайский опус. Я спала.
Вдруг сон пропал, и мне явился
Судья китайский... Нет, не снился,
Реальность явная была.
Я и валокордин пила,
И всяку бяку – не уходит,
По комнате в халате бродит
И пилит, пилит – ну, пила!
Зануда. Говорит: “Вставай!
Вставай, там труп и преступленье!”
А я ему: “Ты уповай
На тех, кто отдан в услуженье
Тебе: Вень Фень, Юань, Ма Жун...
Поди, уж паланкин у входа...”
Он отвечает: “Весь табун
В Пуяне, дома, здесь природа
Античная; здесь отдыханье,
Еда, прогулки и купанье.
Уж, извини, здесь никого
Моих, отстала где-то свита,
Потерян меч, и существо
Моё издёргано, разбито!
Преступник молод и хитёр,
Убийство ловко маскирует!
Ну, помоги! Я ж не позёр,
Не стану умолять впустую...

Мне имя Ди! Ты погоди,
Ты ж обо мне кой-то читала...
Ну, одевайся, и к причалу
Потопали! Вон, впереди
Фонарь, под ним темнет лодка,
На вёслах – ты, я – у руля,
И к горизонту! Там земля
Покажется... Ну-ну, красotka,
Не дрыхни, шевели веслом!”
Мы вскоре о песок споткнулись
И в малой бухточке преткнулись.
“Ну, а теперь со мной идём!”
Фонарики, китайских крыш,
Решеточек переплетенье,
И девушек изящных тени,
И звук, так шелестит камыш
Под ветром... Коридор прошли,
Веранду, сад благоуханный,
Вступили в зал... Как это странно:
Прислужники из-под земли
Возникли, предложили чай
И сласти, шапочку надели
На голову судье – давай!
Давай, суди, что, в самом деле!
Труп изумительный внесли –
Красotka с раною на шее...
Судья взглянул и: “Отвали!”
Велел свидетелю – “Быстрее
Найдите, приведите к нам
Лю Чау – пройду-ювелира!
Его работа!” Тарарам!
Народ в отпаде! Может лира
Бедлам китайский описать?
Все пред Судьёю на колени!

И славословия, и пени,
В беспамятстве старуха-мать...
А ювелира бьют плетьюми
И палками и разрывают
На части! Это меж людьми
Меж узкоглазыми бывает.
Ну а Судья в апофеозе,
Бьёт молоточком – суд закрыт.
Нас пёстрый паланкин увозит,
И лодка на Кассандру мчит.
А там, наряд судьи снимая,
Ди благодарно говорит:
“Нет, нет, я чаю не желаю,
Его попию потом, в Китае,
Где он, поди, уже кипит.
Ну а пока сказать спасибо
За помощь я тебе хочу.
Пойдём в таверну. Наверчу
Словес благодаренья, ибо
Ты мне и вправду помогла,
Проворна, сдержанна была;
А зрелище ведь непривычно
Тебе казалось, но прилично,
Как следует себя вела.”
“Нет, – я сказала, – нет, Судья!
В таверну не пойду с тобою,
Нет, мне жестокость не усвоить
Имперскую! Уж лучше я
С тобой прощусь. Средневековье
Мне очень хочется забыть!
И гения, что должен плыть
В потоках слёз и в море крови!
Помочь тебе нетрудно было,

Но очень, очень огорчила
Меня расправа! Так что вот –
Исчезни, удались обратно
В Китай, Пуян, где многократно
Твой желтый истовый народ
Тебя прославил! Всё, пойду,
Усну покрепче, чтоб средю
Китайскую во сне не видеть,
А уж тем боле наяву!
Спокойной ночи, Ди! В Москву
Со мной лететь тебе не выйдет.
Ступай и обрети по-новой
Друзей, помощников своих,
Чтоб каждый для себя постиг,
Что должен ты на всём готовом
Существовать: халаты, чай,
Наложницы, супруги, дети...
Прощай, Судья, чтоб нам на свете
Не пересечься невзначай.
Чтоб никогда уж, никогда
Меня в ночи не беспокоил...
Чтоб сам справлялся... Ну, усвоил?
Прощай, удачлив будь всегда!”
После таких моих речей,
Несимпатичных, неприветных,
Но, видимо, весьма приметных
В его коллекции... Ей-ей,
Смутился многомудрый тип,
Правитель древнего Пуяна,
Сам от общения отлип
И растворился средь тумана.

9 сентября 2008 г.

Кассандра, Греция.

* * *

Меня судьба уберегла
От ужасов преподавания,
Чтоб я художником была
Вся погрузилась в рисование.

Меня судьба уберегла
От почитания богатства,
Чтоб и помыслить не могла
Солидное пополнить братство

Миллионщиков. Меня судьба
И от семейных перегрузок
Укрыла. Круг любимых узок,
Семейным связям не раба

Моя натура. Мир тусовок,
Приятельских питейных встреч
Не тянет тоже. Уберечь
Меня решили и от новых
Суперэлитных вернисажей
И упоительных вояжей.

Ещё упасена была
От унижительных желаний,
Не стали радости лобзаний
Вершиной счастья. Не ждала
Здесь многого – так, естество –
Природа, только и всего.
Как рыбка, мимо проплыла

Тщеславья, зависти и гнева,
Не увлекали их напевы,
Поклонницею не была
Сирен коварных. Изначально
Мне предназначили служить
В другой епархии. Прожить
Вне трафаретов. Капитально
Устроиться в другом гнезде,
В другой питательной среде.

И всё убрали подчистую,
Возможность выбора отпала.
Рисую, Боже мой, рисую
С пелёнок, с самого начала!

Уж сколь холстов изрисовала,
Порою кажется – впустую,
Удачи есть, но мало, мало...
Вот пенсия уже настала,
А так и тянет в мастерскую...

31 декабря 2003 г

* * *

Мы рождены, чтобы жалеть друг друга,
Мы друг для друга проявления божества...
Такие странные явились слова
Сегодня утром после тяжкого недуга.

Кусочки истины иль просто мыслеформы?
Но проявились и присутствуют упорно
В моем сознании... Теперь и на бумаге.
А за окном напился мир осенней влаги,

Декабрь... Но нет еще мороза, снег спадает
И тает, тает... Очень мокрая дорога.
Ну, что, ну, что мои сентенции питает?
Ну, что поутру в стылом воздухе витает?

Му be прозрение иль просто часть подлога?

6 декабря 2003 г.

Внутри меня должно быть чисто!
По-настоящему, как в комнате моей.
Чтобы за пазухой и признака камней
Не оставалось! чтобы титулы министра,

Там генерала, президента самого
Не оставляли никакого впечатленья
В моей душе! Чтоб пониманье, снисхожденье
Другим! Себе же абсолютно ничего,
Ну никакого своим слабостям прощенья!

По-настоящему! А то ведь по углам
Еще валяется обиды жалкий хлам,
И мелкого вранья, и подленьких расчетов,
И соискание вниманья оборотов...

Ой, грязно! Вымету скопившуюся пыль,
И паутину изорву, и всё помою!
Безжалостно! Водой! Горячею водою
Стыда, раскаянья! Боязнь снесу в утиль.

И строгой мудрости объятия открою.
Пусть будет чистота. Дышать и жить начну
В отремонтированном светлом помещенье!

Сегодня проверну свое преображение,
Душе исконные владения верну!

Сияет за окном рассвет предновогодний...
Теперь поспать бы, силы надобны сегодня.
Поскольку трудно в накоплениях разобраться,
С несимпатичными привычками расстаться.

30 декабря 1997 г.

* * *

Бог роздал куски успеха,
Человечеству – утеха.
Кому много, кому мало,
Мне совсем не перепало.

Так печально без него,
Вот я и воображаю:
Себя славой окружаю,
Изобилием всего.

Будто просто райский сад,
Фимиами, аплодисменты,
Все восторженно глядят,
Покупают, нарасхват
За доллары или центы

Мои чудные картины,
И гравюры, и коллажи,
И стихи... Как апельсины,
Может быть дороже даже.

Я налево и направо
Мой автограф раздаю,
И в лучах всемирной славы
Разомлевшая стою.

2 октября 1994 г.

Голодание, йога
И расчеты на Бога,
Чтоб помог он Душе удалиться из тела.
Разве это так много –
Убежать из острога,
Смыться, материальные бросив пределы?

Тело – это ж нагрузка –
Тяжело, нестабильно,
Просто-напросто мокрый мешок с костями.
Путь короткий и узкий,
Суею обильный,
Тело в материальной проходит программе.

Так при чём здесь Душа?
Не её это дело!
Может даже при жизни из тела смотаться.
И, свободой дыша,
Как давно уж хотела,
Жить отдельно, к телесности не прикасаться.

Состоянья такого давно я желала,
Всё старалась достигнуть – и вдруг получилось!
Прямо утром сегодня из тела удрала,
За пределы материи переселилась.

Здесь легко и свободно – ну просто прекрасно!
Атмосфера покоя блаженством обильна,
Тишина совершенна... Чего ж я напрасно
Дурью маялась в сериях оперы мыльной?

Тело – это пускай всё в делах и заботах
Остаётся! Его я купаю, лелею,
Устраняю раздразн,
Покупаю компоты...
Развлекаю, лечу, берегу от злодеев.
Только в нём не живу, от него я свободна!
Вы не верите? Это уж как вам угодно.

16 сентября 2009 г.

* * *

В квартире не топят, в квартире мороз,
В квартире сплошная простуда...
Наверное, на истязания спрос,
Иначе их столько откуда?

Откуда им взяться, когда бы никто
В страданиях не видел резона?
Но видимо нам, как зимою пальто,
Как детям на ярмарке цирк шапито,
Желательны аттракционы.

Чтоб пенсию во время не принесли,
Чтоб свет и тепло вырубали,
Чтоб наши надежды безжалостно жгли,
В огне неизбывной печали.

В пучине из теплых не стынувших слез
Чтоб канула жизни причуда...
В квартире не топят, в квартире мороз,
В квартире сплошная простуда.

30 сентября 1996 г.

* * *

Мне очень во время подкинули Мольера!
Мольера-гения, Мольера-лицемера.
Я в восхищении! Как лестью властимущим
Себе он покупал писательские кущи,

Возможность творчества! Как, не краснея, лгал он
Всем коронованным, но недалёким галлам.
Зато писал – одет, обут и овалючен!
Недаром, значит, лгал! Не зря – чего уж лучше!
И даже не комплексовал – смеялся только:
Что вам угодно? Мадригал, кощунство, польку?!
Чего изволите! Комедиант нахальный!
И не увольите теперь – он гениальный!

Да, в самый раз Мольера мне презентовали!
Пример разительный, забудется едва ли.
Пусть цель оправдывает средство! Так случается –
Цель достигается, а средство забывается!

Июнь, 2001 г.

* * *

Над степью сигнал прозвучал
И пожар разгорался.
И ворон тревожно кричал...
Ну откуда он взялся?

Ведь не было же ничего
Поутру - ни Батыя,
Ни полчищ несметных его,
Это все ностальгия.

Я помню, как в пламени шли
Как дымились курганы.
И не было больше земли,
Только слезы и раны,

И не было в сердце добра,
Только сытость победы,
И россыпь ночного костра,
Точно музыка бреда.

Во мне эта память живет,
Потому, потому-то
Мне ворона черный полет,
Как прозренья минута.

Я снова сажу у огня,
Мои лошади рядом,
И небо глядит на меня
Немигающим взглядом.

Лето, 1994 г.

По дороге в Москву. В такси

Тоскливые поля под серым небом,
Такое впечатление, что от туч
До серого линияющего снега,
Ну, метров десять... Лес стоит колюч,

Взъерошенный... Он неба не удержит,
Оно на землю свалится вот-вот,
Лес сквозь него протиснется, пройдёт,
Народ посмотрит, взоры отведёт –
Весна народу действует на нервы.

А мне – ничто! Вот будто дождь идёт,
Какой-то странный, неопределимый,
Туман ли, дождь ли – кто его поймёт..
Таксист-лихач в столицу нас везёт,
Погоды и весны, и джипа мимо.

Мерс обогнал, на финишную вышел,
Реклам поболее стало, проводов,
Но ни столбы, ни коробки домов
Не могут небо приподнять повыше!

Оно лежит у нас на головах.
Нет, мы барахтаемся в нём, оно повсюду,
Нырнули в город. Далее не буду
Смотреть в окно – там всем надеждам крах!

Там, словно звери, небо на клочки
Рвут выхлопы, попса, безумье наше!
Виват, столица! Ты большая каша
Вражды, наживы, плясок и тоски!

16 апреля 2009 г.

* * *

Мне все равно, что будет после смерти
С работами моими и со мной.
Мне все равно. И смысла нет, поверьте,
В какой-либо позиции иной.

Живу, предназначенье исполняя,
Вполне непредсказуемо живу,
Пишу, рисую, плачу — заводная,
Как по канве узоры вышиваю,
Только не я изобрела канву.

И после смерти всем распорядится
Все тот же, что канвой меня снабдил.
Чего ж переживать и суетиться,
Коль мухой в паутину угодил?

Все жизни предусмотрены заране.
Мне все равно, что сделают потом
С рисунками, гравюрами, холстами,
С моими беспризорными стихами,
После меня, в отсутствии моем.

Октябрь 1993 г.

Дни слепились в комок,
Словно блин, самый первый который.
Украшение йог -
Золотые, звенящие шпоры,
Украшение бедра -
Тонкой стали смертельное жало,
А в кармане дыра,
Она мне никогда не мешала!
Под копыта земля
Упадает и прочь убегает,
Па борту корабля
Одноглазый пират ожидает,
Волны - дети ветров,
Проржавелые цепи целуют,
И небесный покров .
Одичалою яростью дует.
Я лечу,
На лице
Красота и отвага застыли.
У тревоги в кольце,
У врагов,превосходных по силе...
Только мне все равно,
Правота — превосходству преграда,
Пусть враги за спиной
Многочисленнее листопада!
Псе равно, все равно,
Псе равно им за мной не угнаться,

Нету воли иной,
Кроме воли пиратского братства.
Им оставлю года
Человеческой ярости мутной,
А себе - ничего, никогда,
Только ветер попутный!

15 октября 1992 г.

* * *

Семеныча картина на стене
И занавески в елочку. А мебель...
Да, мебель соответствует вполне.
Убогая. Зато в окошке небо,
И в небе птицы, и кругом весна,
И я пойду работать в мастерскую...
Чего еще? Какого мне рожна
Еще просить? Жемчужину какую?

На солнечном квадрате на полу
Котенок Мишка дурака валяет.
На мир сегодня не скажу хулу,
Себя вполне прилично проявляет.

16 июня 1991 г.

* * *

“Ну пощади! Меня таланты раздавили.
Ну почему нельзя помягче – или или,
Или художник, или же поэт...
А чтобы вместе! Моего согласия нет!”

“А кто-нибудь просил согласия твоего?
Ты – инструмент, как скрипка иль фортепиано,
На них хозяин темпераментно и рьяно
И сочиняет и являет мастерство

При исполнении. А ты-то здесь при чём?
Умолкни – вопли, сопли, просьбы надоели!
И в красках, и в стихах звучи, как повелели,
И нечего шуметь, устраивать дурдом
И отравлять самой себе все дни недели!”

Заткнулась. Всё. Звучу – хочу иль не хочу,
Я поняла, я наконец уразумела –
Нет власти у меня над тайной беспредела,
Свободы нет съедаемому калачу.

13 июля 2010 г.

* * *

Белый снег... А если синий?
Если синий – во дела!
У меня бы на картине
Краска синяя была.

Синий снег! Ведь это что ж?
Покупать ультрамарин?
Он белил куда дороже.
Но и всё же, всё же, всё же...

Белый снег, на миг один
Синим стань! А если – красным?!
Красный – это чересчур.
Это может стать опасным
Для чувствительных натур.

Как увидят – и с катушек:
Революция опять!
Наподобье дохлых мушек
Будут бедные лежать.

Ну а можешь стать зеленым?
Можешь? Хоть на полчаса.
Изумрудкой, виридоном
Разукрашу небеса.

Будут лыжники кататься
Словно летом на лугу,
И в зеленом кувыркаться
Свежевыпавшем снегу.

О престранном ярком цвете
Вспыхнут яростные споры:
Почему алеют дети,
Как на грядках помидоры?

Или в листиках малина,
Иль гранаты в изумруде?
Будут спорить долго, длинно,
И совсем не беспричинно
Ошарашенные люди.

А я не буду в спор мешаться.
Для чего мне глупый спор?
Но когда угомонятся,
Выйду в скверик покататься
С белых-белых снежных гор.

1994 г.

* * *

Переход с Земли в другую фазу
Чем чреват? Страданьем? Не у всех.
Не у всех инфаркт или зараза,
Паралич, иль все болячки сразу...
Нет, бывает радости успех!

Паф – и нету! Не успеешь даже
Разглядеть карающую руку!
Миг – и ты уже лежишь на Райском пляже,
Со страданиями празднуя разлуку.

О покинутой планете не грустишь,
Хорошо, что оборвали бедствий линию,
Чуть прищурившись, любишь на пинию,
И, как путинские дочки на Сардинии,
Отдыхаешь и Отца благодаришь.

21 мая 2011 г.

О стихах

Никому их не читаю
И в печать не предлагаю,
По журналам не таскаю,
Публикаций не хочу.

Правда, правда, не шучу!
Не хочу их в книжке видеть.
Вдруг она и вправду выйдет?
Чем за это заплачу?

Стану может быть другою,
Самомнительной и важной,
Распущусь сама с собою,
С нищетой своей отважной...

С миром лёгким, гармоничным,
С отношеньем безразличным
К славе, почестям, тусовкам
И карденовским обновкам...

Одиночество моё,
Ты меня оставишь тоже?
Нет, такое мне негоже,
Растреклятое житьё!

Пусть стихи уж подождут,
Поживут со мною тут,
Тут, в Селятино, в квартире,
В утеплённом светлом мире,

Среди кошек и гераний
И других очарований.
Вдалеке от публикаций,
И нахальных папараций.

23 января 2004 г.

* * *

Благодарю за чувств смятение,
Негаснущее к ноябрю;
За творческое обалденье,
Бессмыслицу самосожженья,

За веру в предопределения –
За всё, за всё благодарю!
Благодарю и принимаю,
Хоть ничего не понимаю!

Благодарю за неудачи,
Что каждодневно достают,
За мне навязанный маршрут,
За неустанно бьющий кнут...
Наверное нельзя иначе.

Пусть буйствует над головой,
Благодарю его усердье!
Пусть, исключая милосердье,
Проходит по душе живой!

Ну, экзекутор мой, сильнее!
Сильнее бей! Благодарю!
Пусть будет боль, но вслед за нею
Прозрение. Пусть к январю
Твои пути уразумею.

Схвачу логическую нить,
Пойму диктаторские планы,
И уж тогда благодарить
Тебя, любезнейший, не стану.

10 января 1998 г.

* * *

И радость, и горе, и муки –
Всего в изобилие вкусила.
На эти житейские штуки
Истратила лучшие силы.

Не жалко, ни капли не жалко
Ни мук, ни страданий, ни страсти!
Высокой божественной властью
Во мне предусмотрена свалка.

Свалили в меня, как в помойку
Подряд благодати и беды,
И нужно ещё неустойку
Платить по счетам Андромеды!

Она не сыграла финала,
Ей сверху послали Персея!
И я вот теперь, как умею,
Всю драму играю сначала.

Медуза Горгона клокочет,
Змеюки на ней шевелятся,
Мне каменный ужас пророчит –
Не стану ей сопротивляться!

Напротив – где ранее шлялась?!
Мне б каменной быть от рожденья,
Чтоб сердца ничто не касалось –
Ни радость, ни муки, ни тленье...

Застыть бы, страданию чуждой,
Средь окаменелого тела!
Не нужно Персея, не нужно –
Медуза, верши своё дело!

2001 г.

* * *

Как приласкать тебя, чтоб ты не тосковала,
При помощи кого, при помощи чего?
Так много встретила, хлебнула, испытана,
Не перечсть причин расстройства твоего.

Душа моя, Душа, божественная птица,
Ну что не по тебе, чем недовольна вновь?
Не нравится тебе, как тело суетится?
То холод чувствует, то голод, то любовь...

То увядания жестокое ненастье,
То радость и восторг, то ненависти жар,
И то, что мы зовем нелепым словом “счастье”,
Богов бессмысленный и краткосрочный дар.

Не сетуй, милая, крылатая, не сетуй.
Я понимаю – ты на чуждом берегу,
Телесной тяжестью, как шубою одета,
Тоскуешь вдалеке божественного света,
И я тебя ничем утешить не могу.

4 апреля 1994 г.

* * *

Заберут талант, заберут!
Разве мало тому примеров?
Значит не поступайся верой,
Не меняй, не меняй маршрут!

Не меняй... Пусть кругом раздрай,
Продают пускай, покупают,
Суетятся, переживают,
В игры общие не играй!

Будет крут житейский маршрут,
Будет крут и антибеспечен.
Может даже камнем сшибут.
Ну и что? Ведь никто не вечен.

Но зато уж коль повезёт,
Что нечасто, но всё ж случается,
Улетишь в счастливое таинство,
Куда камень не достаёт.

Где ни подлости, ни предательства,
Где душе не грозит распад.
Лишь таланта законодательство,
Лишь кистей и красок диктат!

10 июня 2003 г.

Друзей не заводите пожилых.
Они уйдут, недолго будут с Вами,
Останетесь без них в житейской драме,
И неуютно будет Вам без них.
Друзей не заводите пожилых.

Собаки, кошки тоже ни к чему
Они подохнут, сердце будет плакать.
Как член семьи любимая собака,
И даже больше, это как кому.

И не влюбляйтесь в землю, небеса,
Окрестный мир – час разлученья близок.
Останется заката полоса
Над озером, сосульки на карнизах,

Останется осенний свежий день,
Немые тучи и поющий ветер,
Репейники засохшие в кювете,
Вороны, покосившийся плетень,

Остынувшая ряска на болоте,
Смородина, как черная роса...
И только Вы уйдете, Вы уйдёте.
Не обольщайтесь, коротко живёте,
По меркам вечности едва ли полчаса.

Теперь с другой посмотрим стороны:
И молодых друзей не заводите,

Уйдёте раньше их из общежитья,
Чужие раны как бы не видны,

Но, думаю, их всё же огорчите.
И получается – как ни крути,
Любви оплата – горькое страданье.
Так может быть, отринув обожанье,
От ласковых эмоций взаперти

Прожить? Пройти спокойно, равнодушно,
Мимо кошачьих и собачьих глаз,
Мимо друзей (да, Шурик, мимо Вас),
Холодной, трезвой логике послушной,

Не приостановиться, не взглянуть,
Косым лучом по зеркалу скользнуть.
Любовью не к кому не прирасти,
Но и потерям счета не вести.

Нет, для меня такое невозможно,
Я только и умею что любить.
Что ж, буду полной мерою платить,
И за расклад практически несложный,
Жестокую судьбу благодарить.

8 сентября 1996 г.

* * *

Ликованье в последних стихах!
Ликованье, покинутый страх,
И сомненья, убитые влёт,
Всё теперь по-другому идёт!

Как – ещё непонятно пока,
Я в деталях не вижу процесс,
Только чувствую наверняка –
Проскочила, прошла волнорез!

И в открытое море ушла,
Будто век на Земле не жила,
А всегда средь солёной воды!
Это что, гонорар за труды?

18 сентября 2009 г.

* * *

Любить меня надо, любить и жалеть.
На свете мне так неудобно.
Болит голова, как же ей не болеть,
Когда просто ежеминутно

Я что-то умею проделать не так
Совсем не туда направляюсь,
Не с теми дружу, попадаю впросак,
Раскаяньем испепеляюсь.

Всё тянет и тянет меня не туда,
Туда – абсолютно не тянет,
И вот в результате кусает беда,
Невзгода жестоко тиранит.

И грустным мотивом звучит за спиной.
За что же мне срок накрутили?
Других осчастливили тёплой волной,
Меня кипятком окатили.

Ну сколько же можно? Поблажки хочу,
В мученьях моих перерыва.
Вам очень несложно, как насморк врачу,
Как шкуре медвежьей крапива

Все беды мои... Что же долго смотреть,
Терзаясь сомнением мутным?
Любить меня нужно, любить и жалеть,
На свете мне так неудобно...

5 ноября 1996 г.

Поутру, на пределе осени
Синица мелкая звучит.
Еще поселок мирно спит
В объятиях холодной просины,

Еще не думает вставать.
Суббота, спешка завершилась.
Куда-то мчаться, успевать
Не нужно. Полумрак, кровать –
Такая божеская милость.

Но небо принялось бледнеть,
Потом окно порозовело,
Ворона высказалась смело,
И ветви стали словно медь,
Словно металл, огня хвативший,
О всякой скромности забывший.

Но скромность – вот она, бела,
На травы инеем легла,
И хрупкой льдинкою на лужу,
Ночную сберегая стужу.

На крыше изморози вязь
Железо ржавое укрыла,
И слякоть кружевом застыла,
В хрусталь оборотивши грязь.

Бессонной ранней электрички
Вдали жужжание кипит...
И все равно поселок спит,
Свои субботние привычки
Не преступает. Тишина...

* * *

Вот только солнце... выше, выше...
Антенна на соседней крыше
Иглою красною видна.

Внизу зашаркала метла,
Залаял пес... Ну, ну, смелее!

Нельзя же, целый день, балдея,
Валяться! Как бы ни была
Постель нагретая мила
И ласка легкого Морфея!

Придется все же их оставить,
Чтоб подойти и посмотреть
В окно на двор, на веток медь,
На тишину без нот в октаве,
На птиц, что не желают петь
И осени красоты славить.

27 октября 1996 г.

Призетление

Что мне делать с этим телом?
Я на Землю не хотела.
На Луну себе летела
Искупаться, отдохнуть...

Словно бабочку поймали,
Дух материей сковали,
В мясо, кожу укатали
И со мной пустились в путь.

Словно буря, иль цунами,
Иль посланец криминала,
На меня судьба напала,
И с бессмертием родство
Индивида моего

Прекратила!

Я не в силах

Вырваться: зажата между
Златокрыльми, лечу...
Только смутная надежда
Чуть жива – исчезнуть прежде,
Чем путёвку получу
В тартар, в мрачную обитель
Тусования людского,
Заблокируют мне память,
Чтоб не мучила в пути...
Чтоб вчерашний небожитель
Научился буквам, слову,

Стал дитём какой-то маме,
Начал бегать и расти...
Дальше – больше: чтоб картинки
Рисовал, болел, влюблялся,
Чтоб подобного родил...
Колотушки чтоб по спинке
Получал, не расслаблялся,
Утомился, замотался,
И увял, и загрустил.

Всё! Я даже не успела
Заявить протест! Домчались.
Лишь смогла, глотая слёзы,
О поблажке попросить:

“Сны оставьте, чтоб умела
Хоть нечасто, хоть ночами,
Прерывать житейской прозы
Удушающую нить!”

Смилостивились. Летаю
По ночам во сне – так сладко!
Наслаждаюсь, вспоминаю
Беспроblemное житьё...
Жизнь дурацкая земная
Больше сердцу не загадка;
Знаю, срок свой отмотаю
И исчезну из неё!

Кости, мясо здесь оставлю,
Припечатав крепким словом
И привычным посыланьем
Всех и вся в далёкий путь!
После мысль перенаправлю
И уйду путём неновым
К светлым лунным обитаньям
Искупаться, отдохнуть...

10 августа 2002 г.

Свидание

ПОЭМА

Свечей сияющих восход
Над кружевом невинно-белым
И над атласным беспределом
Зеленых юбочных широт.
Средь изумрудных перегрузок
Белеет тонкая рука.
Цветами вышитая блуза
Изящна, в талии узка,
Пышна к плечам, они открыты,
Вверху высокомерный нос,
И темный гребень из самшита
В переплетенье рыжих кос.

Да, это ты, моя подруга,
Я узнаю, я узнаю.
Как в суете земного круга,
Где потеряли мы друг друга,
Опять перед тобой стою.
Здесь освещение неверно,
Костры, кипящая смола,
Рога, копыта, запах серный,
И полусвет, и полумгла.
У печек трудятся страшили,
Ворчат, поленья шевелят,
В дыму колышутся стропила
Высоких пыточных палат,
Хрустят уголья под ногами,
Кухонный чад щекочет нос,
Неугасаемое пламя
Горит надолго и всерьез.
Все, как в обычной преисподней,

Как сто и тыщу лет назад,
В котлах преступники кипят
И просят милости Господней.
А я твои целую руки,
В глаза зеленые гляжу,
В тебе следов не нахожу
Ни покаяния, ни муки,
Свежа, будто сейчас из Рая,
Будто не для тебя смола...
Переменилась? Ну, не знаю...
Пожалуй, лучше, чем была.
Не знаю, мне тебя не видно.
Как душу разглядеть свою?
Я изменился? Очевидно,
Мы все состарились в Раю.
Нектар, очищенная пища,
Гулянье, пенье, благодать...
Как, дорогая, рассказать
Тебе про эту скукотищу?
У вас, однако, жарковато.
Но я всегда любил тепло.
Скажи, кто этот, бородатый,
На нас поглядывает зло?
Ваш надзиратель? До чего же
Похож на дядю твоего.
И самомнение на роже,
Смотри, совсем как у него.
Он мне напомнил, как когда-то,
Среди совсем других огней,
Шла королева, вся из золота,
И свита пышная за ней.

Как гордо, как высокомерно
Твой древний род меня судил –
Отец, сестрицы-королевы
И дядя, царственный debil.
Рядами факелы горели,
Вот как сейчас у вас горят,
На унизительный обряд
Портреты темные смотрели,
И тень седого кардинала
Металась, плавилась в огне,
Распластывалась по стене
И в паутине замирала...
Судили наш роман скандальный,
Как будто кражу иль подлог.
Ты не пришла, закрылась в спальне,
Я говорить с тобой не мог.
Ты помнишь, даже не простился,
Даже увидеть не сумел.
Так дядя твой распорядился.
Со мной в подвал палач спустился. -
Большую практику имел.
Видно, нельзя было иначе,
Не станем прошлому пенять.
А то, вон, видишь, бесы плачут,
Жалеют, можно их понять...
Горенье, светопреставленье,
Кипенье-бульканье в смоле –
Все это мелочь, по сравнению
С тем, что случилось на земле.
С трагической, невероятной,
Моей безумною судьбой,

Несущей, словно счастья пятна,
Свиданья редкие с тобой.
А помнишь первое, в апреле?
Раскрыты были окна в сад,
Свеженаписаны в капелле
Со стен архангелы глядели,
Возможно, и сейчас глядят.
И я писал, изображая
Деянья вышнего Творца,
Его лучами окружая
И его славой украшая
Пределы вашего дворца.
Работал, словно одержимый,
Как под гипнозом иль во сне,
Казалось, крылья херувима,
А может, даже серафима
Итогом жизни будут мне.
Душа гармонией без плоти
Мир обнимала с высоты.
Но... в дверь высокую напротив,
Шумя парчой, скользнула ты.
Легко прошелестела мимо,
Остановилась у окна...
И стала доля херувима,
А может, даже серафима,
Мне абсолютно не нужна.
Мы были счастливы. Мы были.
О счастье можно ль говорить?
Деревья листья уронили,
Пруды дворцовые остыли,
Летала паутины нить...

Все было счастьем, даже птицы,
Что собиралась улетать.
Казалось, нам обоим снится
Божественная благодать.

Но очень скоро завершился
Сон очарованный земной...
Творец простил, он не решился,
Не захотел порвать со мной.
Забрал к себе, и не мешает
Моим талантам расцвести.
Тематикой не удушает
И раз в столетье разрешает
К тебе, любимая, прийти.
А ты наказана. Да, знаю.
Пропагандиста увела
У божьей рати. Дорогая,
Я благодарен, что смогла.
Да что смогла... Ведь без усилий...
И не предполагая, да?
Меня к тебе приговорили,
Без жалости, и навсегда.
В Раю, надеялся, забуду -
И там не вышло ничего.
Творец не прекратил простуду,
Наверно, этакое чудо
Не в компетенции его.
Но утешает, нектарины
Могу, гуляя, обрывать,
Летать, и рисовать картины,
Все, что желаю рисовать,

Где захочу, где пожелаю...
А я хочу с тобой гореть.
Я притомился, дорогая,
Сто лет из сказочного Рая
В Геенну с завистью смотреть.
И в перерывах меж свиданий,
Чтоб не погибнуть от тоски,
Писать на стенах райских зданий
Земного счастья куски:
Изображать свечей восход
Над кружевом невинно-белым
И над атласным беспределом
Зеленых юбочных широт.
Над блузой, розами расшитой,
Писать высокомерный нос,
Пушком покрытые ланиты
И темный гребень из самшита
В переплетенье рыжих кос.

1994 г.

* * *

Ты никого не спас и ничего не переделал.
Здесь на Земле спасенья нет,
От зла, жестокости, от бесконечных бед,
От постоянного людского беспредела.

Ты дал себя распять. Зачем и для кого?
Для толп ханжей, для инквизиций визиций, лицемеров?
Ах ты, обманутое нами Божество!
Адептов много ль у твоей чистейшей веры?

Вот то-то и оно – их нету на Земле.
Получше надо было бы найти местечко,
Чтоб проповедовать об ангелах, смоле...
Там не распяли бы тебя, моё сердечко.

10 октября 2007 г.

* * *

Время ещё есть,
Но возможно, уже мало.
Я покуда здесь,
Но возможно, опоздала.

Вдруг да в суете
Поистратилась, слиняла.
Службу красоте
На зарплату променяла.

Очень может быть.
Будет жалко бесконечно.
Захочу любить –
Нет возможности сердечной.

Ну а без любви
Уж какое рисованье!
В скукоте живи
От собранья до собранья.

Хватит, время есть,
Даже если его мало.
Я покуда здесь,
И ещё не опоздала.

29 февраля 1992 г.

* * *

Мы с ними на одной земле,
Но это их земля, не наша.
И время их. Такая каша
На межпланетном корабле.

Их время, их законный час,
А мы, застрявшие у двери,
Понять не можем и не верим,
Что годы кончились для нас.

Мешаем новеньким, мешаем,
Себя пытаюсь утвердить,
Вопросы их за них решаем
И поучаем, и мешаем,

Нам неохота уходить.
Нам неохота, мы боимся,
Ещё пытаемся, стремимся
Увековечить образец.

Они молчат, не возражают,
Возможно, нас не уважают,
Но терпеливо ожидают,
Когда ж слиняем наконец.

Март, 1988 г.

М. Беловой

Месяц за антенну зацепился,
Как цеплялся раньше за трубу.
Всю-то ночь жемчужиной во лбу
У царицы сумрачной светился.

Всю-то ночь подушку освещал,
Мне переворачивал сознание,
Сны с фантасмагорией венчал
И потусторонним докучал
Космогенетическим дыханьем!

Всю-то ночь ни капли не спалось,
Не спалось – мечталось, размышлялось...
Лунная вселенная качалась,
Кружево фантазии плелось.

Я пошла на кухню босиком,
Попила воды и возвратилась –
Комната таинственно светилась,
Плавали лучи под потолком...

Из глубин зеркального стекла
На меня вселенная смотрела,
А в окошке тонкая игла
Как-то моментально опустела.

Где же месяц? Неужели он
По балкону в комнату спустился,

И, ночной работой утомлѐн,
Под моим диваном приютился?..
Заглянула: светится в углу,
Придремнул, посапывает тихо,
Маленький, как мой котёнок Миха,
Без подстилки, прямо на полу...

Пусть поспит до вечера, пускай;
Я его вытаскивать не буду,
Лишь бы только не схватил простуду..
Отдыхай, рогатый, отдыхай.

А когда погаснет солнца медь,
Ты опять украсишь лоб царицы;
Снова будешь плавиться, гореть,
И в окно застенчиво смотреть
Сквозь ветвей пушистые ресницы.

1995 г.

* * *

Здравствуй, понедельник,
Чистый и прекрасный!
Здравствуй, понедельник!
Наступаешь? Здравствуй!

Кто там за окошком?
Здравствуйте, вороны!
Холодно немножко,
Свеженько, студёно.

Так в апреле часто –
Неопределённо:
Солнце и ненастье.
Правда ведь, вороны?

Перестройка года,
Перелом на лето,
И ещё природа
Не совсем согрета.

12 апреля 1992 г.

* * *

Чужие драмы я переживаю,
И о чужой душе веду рассказ.
Открыта всем. И каждый про запас
Плоды с моих деревьев обрывает.

Все горести проходят сквозь меня,
И не мои решаются проблемы,
Соседей бытовые теоремы,
Или друзей мышьяная возня,
Все крупные и мелкие системы
Базара суета и толкотня.

Зачем горю смятения огнём,
Чужие радости зачем меня волнуют?
Пишу об этом, точно о своём,
Не в постороннем будто, а в моём,
В моём закрытом мире существуют.

Насквозь и глубже чувствовать могу
Причины и фатальные исходы
Чужих поступков. Так капризы моды
Предвидит модельер. Не берегу

Резервы для себя. Пишу и таю.
Возможно себя этим измотаю,
А может быть – совсем наоборот,
Второе мне дыхание придёт,
Придёт весна уже пережитая.

2001 г.

* * *

Целый день шел снег, шел снег,
Ненадолго задержался,
К мокрым веткам грустно жался,
Обещая ряд утех –
Обещая кружева,
Снежно белые наряды,
Драгоценностей каскады...
Но дрожащая листва

Веткам горестно шептала:
“Подождите, снег стряхните!
Нам уже осталось мало...
Упадём... тогда поспите
Под роскошным покрывалом”.

Ветки слушали, молчали,
Колебались, размышляли...
Всё ж пошли листьям навстречу,
Пусть для них ещё не вечер...

Снег пополз к земле слезами,
И в окрестной панораме
Снова дождика шептанье,
С летом нежное прощанье.

Сентябрь, 1997 г.

Температура ночью в Хосте

Горячечный бред, горячечный бред,
Я с ним совладать не в силах.
Ещё не воспет горячечный бред,
Ещё стихи не сложила.

Машины шумят, цикады поют,
Всё сквозь горячую дрёму.
Горячая тьма, горячий салют,
Горячечная истома.

А море лежит за пляжем вблизи,
Я утром ещё купалась.
Возьми меня на руки и отнеси,
Чтоб синим волнам досталась
Горячка и бред, и воля моя,
Что хочет сопротивляться.
Не думала я, не думала я,
Что может такое статься.

Обидно до слёз – мне так горячо,
А в море была бы прохлада.
Но ты не желаешь подставить плечо,
Тебя уговаривать надо.
Чего ты боишься? Меня утопить?
Не сладить с моею судьбою?
Не бойся, уж если утопленной быть,
То лучше всего тобою.

1987 г.

Ночью

Душевные связи упрочить пора.
Окно засветилось – отлично!
Там пишут стихи, и возможно игра
С моею игрой идентична.

Проснулись, не брали сперва карандаш,
Ворочались под одеялом.
Но видно никак. На душе ералаш,
Поэзия одолевала.

Увы, одолела. Вот так вот всегда.
Поднялись и лампу включили.
Нашли карандаш, и пошла череда,
Рифмованных строк изобилие.

Потухло окно. Лишь короткий сонет
Сложил мой сонливый сосед.

1987 г.

* * *

Как звуки нежны, будто бы цветы,
И осязаемы, как бархат или шелк.
Я заблудилась в мире красоты,
И на меня набрёл голодный волк.

И проглотил. Сажу в его желудке,
Кукую в первобытной темноте.
И вижу – далеко на высоте
Два жёлтых глаза с чёрным промежутком.

* * *

Я ничего читать не жажду.
Не жажду видеть ничего.
Я всё прочла уже однажды,
И насмотрелася всего.

А толку нету. Поступаю
Почти всегда наоборот.
Моих поступков хоровод
Кружится, смыслу изменяя.
Вобщем его не признаёт.

Зачем мне опыт? Он – чужой,
А жизнь моя. Всё это просто.
Чужого разума конвой –
Гнилая, жесткая короста.

Пусть интуиция одна
Руководит мои движенья.
Какая книжка мне нужна?
Или какого наставленья
Распаханная целина?

Всё в первый раз – сама, сама,
Сама иду и спотыкаюсь,
Но никогда не опираюсь
На посох чуждого ума.

* * *

Ах, дорогие мои Нарские подруги!
Живу на Родосе средь пальмов и цветов!
Здесь солнце – будь здоров,
И ветер – будь здоров!
И море плещется залива в полукруге!

Ну а у вас чего? Общественность гудит?
“Основа” бодрая выходит регулярно?
Элина скачет, как вестерновский бандит,
И в магазинах кузнецовская сметана?..

Всё, больше стих не сочиняется.
С приветом!
Сейчас нырну..
Вспоминая вас при этом!

*Май, 2003 г.
Остров Родос, Греция.*

* * *

Я наблюдаю первый снег,
Как он дорожки засыпает,
Тяжелый, мокрый, быстро тает,
Еще надежды на успех
Своих усилий не питает.

Еще прописки не имеет
В конце сырого октября,
Так что возможно просто зря
Летит. А сердце коченеет,
Отчаянно, тоскливо бьется
Погоде темной в унисон.
Двор, небо, сердце, вера – сон,
В нем никогда не будет солнца.

Со снегом листья вниз летят,
Покорны, молчаливы, кротки,
Прищепки, черные, как четки,
Подставлены под снегопад.
И холодом несет от двери
В пространство стылого двора...

А ведь вчера, еще вчера
Светило солнце! Нет, не верю!
не верю в эту ерунду,
Неправда, вовсе не светило.

Когда-то можетмчто-то было,
Давно, давно... Уже в пруду

Темно и пусто, верх его
Прозрачной корочкой покрылся,
В ней сонный берег отразился.
Весь проржавелою листвою
Усыпан... Все летит, летит
Из неба снег, его там много
Блестит остывшая дорога...
Как сиротлива, как убога
Сегодня осень...
Просто стыд
Писать такое! Первый снег!
Он первый, ну и что – растает!
Зато потом зимы успех
Настанет, как еще настанет!

Я буду терпеливо ждать
Зимы, надеяться на встречу.
И осень – радости предтечу
Я тоже стану обожать.

30 октября 1996 г.

Сонет

По приказу, по заданью
Я писать бы не смогла.
Рифм летучее дыханье
Не нашла б, не обрела.

У меня не в подчиненье,
Не приходят, коль зову.
Стихотворное плетенье
Я своим не назову.

Растерялась бы увяла,
Зря бы пламя раздувала
Отсыревшего костра.

Понапрасну, точно знаю.
Здесь какая-то иная,
Непонятная игра.

3 апреля 1995 г.

Хмурое утро

Просыпаюсь утром в комнате,
Та, и будто бы не та.
В моем сердце, словно в омуте,
Тишина и темнота.

За окошком утро слышится,
Светит солнышком февраль,
А во мне ну не колышется
Ни единая деталь.

Что же я не в соответствии?
Не вскочила, не бегу...
Словно рыба после бедствия
Возлежу на берегу.

Мысли серыми туманами
Проплывают не спеша.
Их суровыми арканами
Крепко схвачена душа.

Тело тихо подчиняется,
Радость жизни хороня...
Вот такое утром таинство
Происходит средь меня.

29 февраля 1995 г.

Липецким друзьям

Я с удовольствием буду вашей,
Никто еще меня не нашел.
Стихи возьмите, их съешьте с кашей,
Им в мусор бросьте под стол,

Или наклейте их под обои,
Когда будете делать ремонт...
Распорядитесь моей судьбою.
Может они годятся на зонт?

Знаете, мне иногда казалось,
Что укрывают от непогод.
Почитаю – пройдет усталость,
Даже грусть иногда пройдет.

Исправляла даже погоду
Поэтическая строка.
А мою уж наверняка
Успокаивала природу,

Усмирить её помогала.
Вместо того, чтоб злиться, кричать,
Я в стихах кого-то ругала
Тихо-тихо. Ну кто тетрадь

Дома возьмёт? Никому не нужно.
А мне полегчает. Вам их дарю
В знак признательности и дружбы.
Я себе другие сварю.

Заплету, разошью, сварганю,
То весёлые, то не очень,
Никого не трону, не раню,
Не царапну, не озабочу...

После, ежели захотите,
Вам и эти отдам, не жалко –
Чувств весёлое общежитье,
Размышлений пёструю свалку:

О проблемах любви и дружбы,
О погоде – холодно, жарко...
Почему дарю? Разве нужно
Основание для подарка?

Так чудесно у вас сиделось,
Так приятно воспоминанье.
Вас порадовать захотелось,
Вот и все мои основанья.

А потом – они же бездомные,
Им довольно тесно в блокноте.
А вы прочтёте, меня припомните,
Ну конечно, если прочтёте.

Хлеб и рыбу, водочки пламя,
Теплоту беседы приватной,
Будто снова сижу я с вами,
И нам вместе очень приятно.

10 апреля 1994 г.

* * *

Мне снился Липецк, осень, листопад...
Как будто я.. Как будто вместе с вами...
Но налетело утро, как цунами
И прекратило радости каскад.

Был сон хорош. По ощущенью был
Почти что стопроцентная реальность:
Новейший русский помощь предложил,
К себе позвал, зеленых отвалил,
Спонсировал, простите за банальность.

Его щедротами поражены,
Мы, онемев, под люстрой стояли.
Он улыбался, и на нем штаны,
Французские, изящной желтизны,
О процветанье фирмы заявляли.

Чуть утомлен, возможно, после бала,
Шампанским, ананасом угощал,
Пятнистая охрана ожидала
Распоряжений... Прямо сериал.

Мы выпили, довольные вполне,
Мы съели ананас и распростились.
Какой был сон, как вы роскошно снились!
Как не хотелось просыпаться мне.

6 июля 1995 г.

* * *

Олимп горит, Олимп дымится.
Смятенье, паника кругом.
В парадном зале над столом,
Где боги собрались напиться,

Смотрите, рухнул потолок,
Шпалеры пламенем объаты!
Как будто Зевс уже не бог,
И трапезы его не святы!

Кентавр пылает, с головы
И до хвоста щетина плавится!
Мне это нравится, увy,
Ему, поди, совсем не нравится.

Золотоногие танцоры
Тревожно в барабаны бьют,
Шитьё подхватывают Кору
И покидают свой приют.

Горит приют богов, пылает!
И Гера, кубок не допив,
Вся закопчёная сбегает
Под сень прохладную олив.

Нырять в Стикс, ей безопасно,
Диана, Музы рядом с ней
Мелькают быстро меж камней.
Ах, боги, это вы напрасно!
Ну что вам бренности законы?

Землетрясение, пожар...
Сирены, Парки, Листригоны!
Вы нанесёте мне уроны,
Осиротите, убежав.

Постойте, вы же из легенды.
Фантазия, прозренья миг.
Лишь бытовые элементы,
Материальные моменты
Огонь карающий настиг.

Не вас! Что гибель вам земная
И огнедышащий костёр?
Как человеческий приговор
Жильцам неведомого рая.

25 мая 1992 г.

* * *

Всю жизнь по зависти хожу,
Как по угольям красным.
Ужель ступней не охлаждаю?
Ужель стенать напрасно?

Ужель завидовать всегда
Без перерыва будут?
Какая горькая беда!
Уж лучше бы простуду,

Уж лучше бы простуду мне
Схватить от охлаждения,
От равнодушного вполне
Людского отношения.

Уж так бы счастлива была,
Когда б меня забыли!
Что б мои мысли и дела
Всем безразличны были.

Чтоб невидимкою жила.
Средь человеческой своры,
Кинжала в сердце не ждала,
И кипятка за ворот.

Нет, все равно не объяснить
Завистникам-койотам,
Что нет причин меня винить,
Как птицу за полёты.Ни-

чуть не виновата я,
Что крыльями владею,
Что в закоулках бытия,
Как жернов мне на шею

Повесили мою судьбу:
Крылатость меж бескрылых,
Но ваше зависти пальбу я вы-
держат не в силах.

Всю жизнь, всю жизнь по ней хожу,
По лаве раскалённой.
Когда же жалость разбужу,
И осторожно приложу
К душе своей сожжённой?

30 августа 1993 г.

А. Дубинчику

Дар доброты и понимания
В тебе имеет место быть.
Во тьме общественного зданья,
Где суетливое собранье
Забыло ближнего любить,

Ты, как бесценный бриллиант,
В железо ржавое оправленный,
Как позабытый, как оставленный
В чужой квартире квартирант.

Мы удивляемся, хозяева,
Долготерпенью твоему.
Все общепринятые правила
Тебе как будто ни к чему.

Ты по своим, для нас неведомым,
Живёшь, как бы заговорен
От нас, детей, рождённых бедами
Цивилизованных времён.

От наших мелочных расчётов,
От пошлости и суеты...
Ну кто ты, ну скажи нам, кто ты?
Откуда столько доброты?
А может нам тебя послали,
Чтобы во тьме житейских смут,
Мы ощутили и узнали,
Как среди райской пасторали
Себя крылатые ведут.

27 марта 1994 г.

Выбора нету.
Такую планету
Для существования мне предложили.

Ну что же, я буду
Смотреть, как на чудо,
На сердце, дыхание, мозг, сухожилия...

На сон, на погоду,
На веру, на воду,
На пчел, на метро, на чеченские танки,
На дружбы приколы,
На кошек, на школу,
На краски, холсты и на счастья обманки!

Я буду идти,
Спотыкаясь в пути,
Снося терпеливо земные мученья,
И может, к концу
Так понравлюсь Отцу,
Что он за терпение в вознаграждение
К себе заберёт.
То-то будет улёт!

Нажалуюсь, напричитаю, наплачусь...
Он к сердцу прижмёт,
Он мне слёзы утрёт,
Он скажет, что просто не мог бы иначе
Узнать достоверно,
Что верно, что скверно,

Что правильно создал,
Что нужно по-новой.

И сделалось это
Исканье ответа
Моей незаслуженной жизнью суровой!
Отцу санкюлоты
Нужны для работы -
Своею судьбою, любовью, отчаяньем
Оплатят успехи,
Ошибки, огрехи
И лучших иных вариантов искание.

Ну что ж – вот и Знамя!
Участники в драме,
Пойдёмте, падёмте в борьбе за теорию!

Но, если бы знала,
Куда я попала,
Давно бы покинула лабораторию!

1 сентября 2002 г.

* * *

Я б улетела, улетела,
Я б улетела насовсем
Туда, где море без предела
И ароматы хризантем.
Ведь я всю жизнь туда хотела.

Над тёплым морем и горами
Летала бы, скользила бы,
Воспринимая звук трубы,
Как службу утреннюю в храме.

Пусть для меня она поёт,
Надеждой хрупкою играя.
Пойду за ней, и поведёт
К дверям утраченного Рая.

Как крылья всё-таки нужны,
Ах, до чего необходимы!
А может мне они даны?
Но абсолютно не видны
И за спиной не ощутимы.

13 марта 1992 г.

* * *

Тане Нордштейн

В большой горе тоннель пробит,
И мост над пропастью висит.
Из жерла темного тоннеля
Выходит поезд, еле-еле,
На мост ажурный не спешит.

Туман... туман... Прощить не могут
Его электрофонари.
И в людях смутную тревогу
Рождают тихая дорога,
Туман, отсутствие зари,

Проснулись и прижались к окнам
Нет никакого далека,
Все стало неуютным, мокрым -
Стекло, подушка и щека

Тумана белым покрывалом
Укрылся мост, укрылся путь,
Движение нереальным стало.
Прибудем ли куда-нибудь?

Иль никогда мы не прибудем,
И никогда, и никуда,
Возможно, мокрая среда
Враждебна сухопутным людям
Вы постоите на платформе,
Вздохнете, поезда все нет,

Туману и судьбе покорны
Пройдете в хостинский буфет
И будете сидеть за чаем,
Покуда мы совсем растаем.

12 апреля 1992 г.

* * *

Мне приснилась большая весна,
И большое, безмозглое счастье,
Растерявшиеся племена,
И распавшиеся времена,
И в заботах людских неучастье.

Мне приснился заброшенный сад
Под луной непрозрачные тени,
И сирень, просто море сирени,
Всюду, всюду ее аромат.

Мне приснилось, что больше нигде
Ничего никогда не случится
Мне приснилось, что это не снится
Я была, словно рыба в воде,
Или в небе летящая птица.

Мне приснилось, что вечно живем,
Я во сне преклонила колени.
И проснулась. Мороз за окном,
Все застыло в плену ледяном,
Только в комнате запах сирени.

Декабрь, 1992 г.

Отъезд

*“О любви не говори,
О ней все сказано”.
Эстрадная песня.*

Ну что же говорить о ней?
Действительно, уж все сказали.

Сидела утром на вокзале,
Средь непогашенных огней,
И все сильнее, все сильней
Воспоминанья истязали.

Мы повстречались так давно,
А помнилось, ну как сегодня.
Весна и юность – это ж сводни
И виночерпии. Вино,
Вино любви нам предложили.
Что ж, отказаться? Нет, мы пили.

Ну и, конечно, напились
До невменяемого счастья,
Увы, до положенья риз,
До разума несоучастья.

Он нас покинул, отошёл –
Что делать, сдвинутые люди...
Мы думали, уже не будет
Навязывать свой произвол.
Но годы шли... И вот теперь,

Воспоминаньями умыта,
Смотрю на дверь,
За ней – finita,
Finita счастья и потерь,

Восторгов, слез и сожалений,
Веселий – ну всего того,
Что естество, великий гений,
Дает на время.

Ничего
На постоянно. Очень жаль.
Сию, тоскую, вспоминаю
Сначала обалденье мая,
А после сумрачный февраль...

Довольно, поезд подошел,
Уже посадку объявили...
Прощай, прощай! Мы были, были...
И это было хорошо.

1981 г.
Из старой тетради.

* * *

*Владиславу Зданкевичу,
моему учителю литературы
в школе 39 города Тбилиси.*

Нас не могли бы заразить,
Когда бы сами не болели
Горячкой творческой. Ужели
Могло б такое нам грозить,

Когда б не Ваш душевный сдвиг,
Полет слепой и увлечённый?
Что, если б фразою казенной
Наше доверие настиг

Педант суровый? Ой-ё-ёй!
Какая б жалость получилась!
Какой конфуз, какой разбой,
Эмоций ранняя остылость

И разума глухая лень...
И на всю жизнь... А Вы сумели
Нас раскрутить, чтоб мы летели,
Как ветром сорванный растень.

Я благодарна, я лечу
Всю жизнь, запущенная Вами,
И прекратить пожар, цунами
В уме и сердце не хочу.

8 октября 1996 г.

* * *

Как день прошёл, как незаметно!
Иссяк, увял и полинял.
С утра еще такой конкретный,
Теперь воспоминанием стал.

Весь день сидела у стола
На теплом кресле мягким задом,
Звонка ждала, звонка ждала,
Не дождалась. Ведь это ж надо!

Листала старые стихи,
Лениво что-то поправляла,
Потом энергия увяла,
И мысли, словно мотыльки,
Сложили крылья, вниз упали,
Свалились, погрузились в быт...
И Алик спал, и кошки спали,
И незаметно день убит

Был всеми нами. Вечеру,
Когда они проснулись, встали,
Я суп готовила, жужжали
В эфире новости, игру

Вели политики: Чечня,
Афганистан, пожары, войны...
Событья были нас достойны,
Страны, народа и меня.
Вот тут раздался Ваш звонок,
И разговор был неприятный.

Что ж, мне еще один урок,
Жаль, не запоминаю впрок,
И не стремлюсь путем обратным
Из ситуации уйти.

От разуменья взаперти
Живу одних страстей во имя,
Такой дурашливый расклад.
А дня мне жаль, он был богат
Поутру планами моими.

4 октября 1996 г.

* * *

Всю жизнь мечтала о полете,
И вот те раз,
Послушная житейской квоте,
Не поднялась.
Послушная недоброй воле,
Сижу без сил.
Как будто кто к земной юдоли
Приговорил.
А так хотелось оторваться
И полетать...
Манили радости пиратства,
Тонуть, сгорать,
И уноситься выше, выше...
Ан нет, ан нет.
Не вышел фокус мой, не вышел,
Сижу одна на мокрой крыше
Десятки лет.

25 декабря 1993 г.

* * *

Зачем варюсь среди людей?
Зачем в кастрюлю поместили
Клубок эмоций и идей,
И в пузырящейся воде
Высокий интеллект сварили?!
А после на сковороде
Румянили... Теперь едят.

Все уплетают без остатка
Мои прозрения, догадки –
Такой необычайно сладкий
Чужого разума уклад!

Восторгов легких оголтелость,
Доверья сладкое питьё...
Все уникальное, мое!
Мне так вариться не хотелось!

Не вижу радости питать
Голодных, жадных до чужого.
Я абсолютно не готова
Едою лакомою стать.

Но чьей-то волею для них
В кастрюле, крышкою прикрытой,
Варюсь... И жду – Настанет миг,
Отвалит стадо от корыта,
И может быть на самом дне
Оставит что-нибудь и мне.

17 октября 1996 г.

Пруд засыхает. Выросла трава,
Там, где светилась глубина недавно.
И грязь и муть затягивают плавно
Окно воды. В нем прежде синева,

В нем прежде синева небес светилась,
Луна и звезды проживали в нём,
И тучи шли, наполнены дождём,
И солнца луч, божественная милость,
В нем плавил отражение своё,
Дробя на самоцветные детали,
Купались дети, женщины бельё
В прозрачности прохладной полоскали...

Теперь не то. Воды совсем чуть-чуть
Осталось. Из нее торчат железки,
Белесая, болезненная муть,
Картонки, склянки, спутанные лески...

Так глаз, когда-то нежно-голубой,
Бельмом затягивает постепенно.
Он слепнет, но не быстро, не мгновенно,
Приговорен жестокою судьбой

День ото дня печальнее смотреть
С веселым окружением прощаясь,
И в зону темноты перемещаясь,
Последними закатами гореть.

Прощай, мой пруд, ослепшая родня.
Прощай, любимый. Только на этюдах
Ты будешь неизменным для меня,
Живое, ослепительное чудо.

4 сентября 1995 г.

Декларация

Я – несурзанности пример,
В загранку ездить не люблю.
Пускай большому кораблю
Под килем футы. Мой манер

Совсем другой.
Я – не ногой.

На кой мне эта заграница,
Совсем другое сердцу снится.
Иные у меня заботы.
Вам кажется, что идиотом

Прикидываюсь? Говорите,
Ни впечатлений, ни открытий
Не жажду? Что же, я такая,
И притворяться не желаю.

Академичка и стихи.
Чтоб с Пушкиным у водоёма.
Какая сладкая истома!
А то – в купе. Полно трухи,

Трухи ненужного общенья,
Тоски и жажды возвращенья.
А дальше больше – всё подряд,
Ходи, смотри – оно чужое.

У нас вот так не говорят,
У нас не смотрят на такое.

Я не хочу. Не любопытна.
Мне б только краски и холсты.
Мои желания просты,
Перед влияньем – беззащитна.

Зачем мне чуждые влиянья,
Как постороннее вливанье?
Как капельница. Не заметишь,
Своею кровушкой ответишь.

Взамен её волюют раствор,
Поток обильных впечатлений,
Десятых девять – просто сор,
Одна десятая – свершений
Чужих причудливый узор.

Зачем мне это? Повторяю,
Ленива, очень субъективна,
В приобретениях примитивна,
И аппетитом не страдаю.

На кой мне эта заграница?
Совсем другое сердцу снится.

2005 г.

* * *

Сегодня полная Луна
Плыла над морем, это круто!
И я плыла, плыла одна,
Пытаясь уничтожить смуту

В моей душе! Что за дела?
Я ж накупалась, отдохнула!
Но грусть из сердца не ушла,
И безмятежность не блеснула.

Мечтала – здесь я отдохну,
Заботы в Подмосковье брошу,
Здесь моря вид такой хороший,
И камни пёстрые по дну

Разбросаны, здесь сосен шум,
Гора, скамейкаи часовня.
Но только это всё условно,
А быт – он вот он, зол, утрюм,

Со мною в Сибири приехал,
Залез на горку, рядом сел
И перечень московских дел
Мне предъявляет – ну, потеха!

Урод, смотри какие волны,
Какие камни там внизу!
Тебя домой не повезу,
Останься здесь, надежды полный

Кого-нибудь собой накрыть,
И капитально заморочить...
Что ж, это очень может быть.
Меня ж оставь! Хочу упрочить
Спокойствие в моей душе....

Ты ж оставайся здесь на горке,
Со мной связей не шерше...
А личные свои разборки
Прибоем пенистым залей
И утопи среди камней.

Ну а Луна, моя Луна
Приветствует моё решение!
Со мной ныряет аж до дна,
И, шаловливости полна,
Щекочет пятки в утешенье.

*18 сентября 2008 г.
Сивери, Кассандра, Греция.*

* * *

Возьми, возьми меня с собою, Сулико!
Мне так легко с планетой бешеной расстаться.
Чтоб никогда уже сюда не возвращаться,
Не прыгать клоуном в серебряном трико...
В лучах прожекторов не ползать по веревке,
И от паденья не придумывать уловки.

Возьми меня!
Моя броня
В огромных дырах
Как ломтик сыра маасдама... Сохраня
Остатки малые и трезвости и воли,
Я умоляю – не оставь в позорной школе,
Возьми с уроков на каникулы меня!

Чему ещё учить? Уму?
Он кладёзь горя.
В писанье сказано, у Грибоеда тоже...
Давно мне хочется, ни с кем никак не споря,
Тихонько выскользнуть из престарелой кожи,

И улететь с тобой...
Оставить мордобой,
Любовь, тусовки, и поэмы, и картины,
И лицемерие, и ложь, и магазины,
И битвы, в кои, как скотину на убой,
Ввергают молодь человечью...

И увечья,
Что терпит сердце, наблюдая непотребства...
Ах, Сулико, лишь твоего хочу соседства,
Возьми меня многострадальную с собой!

7 ноября 2003 г.

Приключение

В недрах лифтовой кабины
Пели песню про “Варяга”,
Про геройские дела,
И о том, как от дивчины
Пострадал хохол-бедняга –
“Пидманула, пидвела!”

Пидманула нас к кабине
Живописица-подружка,
В недра лифта зазвала.
Где-то зданья посредине,
Успокоилась клетушка,
До земли не доползла.

Мы на кнопки нажимали,
Мы орали, что застряли,
Ждём бесчисленно минут!
А из динамика сказали:
“Нынче праздник! Что, не знали?
Мастера, мол, загуляли,
Протрезвятся и придут!”

Вот тогда-то мы запели,
Алик нам усердно вторил,
Песнь народная плыла,
Что поделать, раз засели!
Это ж горюшко не горе –
“Пидманула, пидвела!”
Лёша с Линой не вместились,

Не попали в мышеловку,
По ступенькам вниз пошли.
И ужасно рассердились,
Как на нашу остановку
Мимоходом набрали!

Лина ЖКО ругает,
Лёша лифт ногами бьёт!
Ну а хор внутри поёт.
Он надежды не теряет,
Что механик всё ж придёт –
И утром нас повыпускает.

Только час мы провисели,
Жаль, не все куплеты спели,
Ничего, ещё споём!
Наше трио нынче в моде,
Только с лифтом мы в разводе,
И пешком к подружке ходим,
Хоть изрядно устаём.

2010 г.

Освобождение

Мыть меня не надо,
Сразу на костёр!
В уголочке сада,
Где мусор и забор,
Брось на землю ветки,
Шишки, сухостой,
Для сжиганья клетки,
Что считалась мной.
Телесную одежду
Не сомневайся, жги!
Кликуши и невежды,
Истины враги,
Пусть ничего не знают -
Праздник только нам.
Вон как огонь пылает,
Как весело сжигает
Материальный хлам!
Крутят дым в объятьях
Старые дубы...
И рада наблюдать я,
Как сброшенное платье
Сгорает! Лишь мольбы
Искрами стекают
Между угольков,
Потрескивают, тают,
И в небо улетают
Мелодией без слов.
Ну что ж, побег свершился,

Тюремный кончен срок!
Спасибо, что решился

И вывел за порог!
Любимый мой, спасибо!
Свобода мне мила,
Легко, как в море рыба,
Я в счастье уплыла.

А ты грустишь... Не надо!
Тебе пора домой.
Иди, иди из сада,
Где вечера прохлада,
И шорох листопада,
И тёплый пепел мой.

7 января 2004 г.

* * *

В будущую среду
Деньги получу,
И куплю к обеду
Белую свечу,
Хлеб еще куплю я,
И еще вина,
Слов и поцелуев
Будет до хрена.

Будет вечер звездный,
Свечи на столе.
Разойдутся поздно
Все навеселе,
А потом, под утро,
Стража прибежит.
Схватит меня, будто
Так и надлежит.
Будет суд, правитель,
Разнесется слух,
Что отрекся Питер,
Прокричал петух.

И заплачет горько
Ближняя родня,
Отведут на горку
И распнут меня,
После, как ведется,
Буду воскресать.
Снова жить придется
И стихи писать.

1992 г.

Зелёный поезд

ПОЭМА

Зелёный поезд, в нём монарх,
Супруга, дети, патриарх,
Советники, бельё, посуда
И ящик с красками – причуда
Императрицы. И охрана.
Часа четыре, очень рано.
Всю ночь, минуя остановки,
Состав уходит в темноту.
В вагонной душной упаковке
Уснули все. Лишь на посту
Дежурный офицер читает.
Меж тем за окнами светает.

И книжку тонкую закрыв,
Страницу проложив закладкой,
Сидит, позёвывая сладко,
Самодоволен и ленив.

Глядит в окно, а там пожары.
Леса пылают у болот.
Вуалью черной дым ползёт,
И в зеркале болотных вод
Плывут, колышутся кошмары.

Он видит, будто из глубин
К поверхности восходит что-то...
Рябит багровое болото,
И кажется – на миг один,

Рассудка власть опровергая,
Из пламенеющих болот
Виденье грозное встаёт,

Предупреждая и пугая.
Взлетают, словно пузыри,
Истошно воющие лица,
Людей безумных вереницы
Как будто из глубин земли
Текут, друг друга поражая,
Враждою злобной исходя...
И лик жестокого вождя
Горит, к расправам понуждая.

Затмились... Видятся теперь
Ступени вниз, как будто в яму.
Высокий открывает дверь,
Ведут кого-то... прямо... прямо...

И караулят дверь извне.
Стрельба, метущиеся тени,
И видно выстрелов в огне,
Как медленно согнув колени,
Монарх сползает по стене...

Императрица рядом с ним
В кровавой дёргается луже,
И ползает багровый дым
В подвале... Ужасом контужен,

Глаза не в силах отвести,
Глядит приговорённый в стёкла,
Рубашка форменная взмокла,
И тихо: “Господи, прости”, –
Он шепчет – “С нами твоя сила...”

А поезд набирает ход.
Уж нету за окном болот,
Деревня мимо проскочила,
Тропинка, старенький плетень,
Сады, сараи, огороды...
Лениво сонная природа
Встречает августовский день.
Дежурный щелкнул портсигаром
И долго курит, час почти.
Устал, наверное, в пути –
Вот объяснение кошмарам.
Часы проверив, китель взяв,
Выходит в тамбур освежиться.
А паровоз гудит и мчится,
Мотает проклятый состав.

7 мая 2010 г.

* * *

Такая осень за окном...
Такая буро-золотая...
Ах, электричка, ах, мой дом,
От теплоты вагонной таю.

От теплоты, от тесноты,
И от ленивых размышлений,
Неуловимых, словно тени,
Лишенных света, темноты,

Раскраски, запаха и формы...
Легко текущих, как вода.
В дороге так со мной всегда –
Мистификация сверх нормы.

Здесь измерение другое,
Дорога – в бытовухе щель,
В тоскливом ноябре – апрель,
Патриций посреди изгоев.

За окнами буреет лес,
И тополя уже прозрачны,
И дождь несет участкам дачным
Расположение небес.

*3 ноября 1997 г.
Утро, электричка.*

* * *

Отраженье Луны, отраженье
Продолжает ночное скольженье.
Утро, солнца восход,
А оно всё плывёт –
Свету утреннему возраженье.

Это друга Луна потеряла:
В жемчугах полуночного бала
С ним плясала волна
Зелена, холодна,
Вдохновенно и нежно плясала.

Он влюбился, он с ней уплывает,
Пересилить себя не умеет,
Все движенья её повторяет,
И от ревности к Солнцу бледнеет.

Пренебрёг жемчугами, балами,
Ничего ему в жизни не нужно,
Лишь холодной зелёною дружбой
Дорожит отраженное пламя.

Ветер утренний горько-солёный
Их стремительный бег ускоряет;
Всё прозрачнее бедный влюблённый,
Она голову тоже теряет!

Позабыв о ревушем Прибое,
Мчит любимого в бездну финала!
Разобьёт его вместе с собою
О прибрежные черные скалы.

1991 г.

На реке Нсён

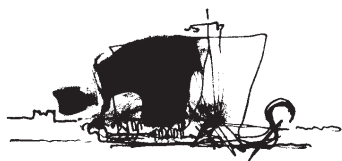
Невесомо и легко
Спит тумана молоко.
И уже не по реке,
А теряясь в молоке
Мы гребём. Совсем беззвучно
Вёсла прячутся в туман,
Направляя караван –
Пять байдарок неразлучных.

Наше лёгкое скольжение
Не реально, бестелесно.
И уже неинтересно:
Сколько будем мы грести,
У тумана взаперти,
Позабыв пространство, время,
Разлученные со всеми?

Неприкаянные дети
В наших лодках задремали.
Снится им простор и ветер,
Сладкий ужин на привале,
Фигли-мигли, трали-вали,
И сопливые девчонки...
Хорошо б они проспали
Эти призрачные гонки...

Мы гребём. Увы соседей
Не видать и не слышать...
Может речка нами бредит?
Не желает отпускать?
Чтоб в тумане мы летели
Меж водой и небосводом
Без сомнения, без цели,
День за днём и год за годом.

17 октября 1991 г.

Б. Угарову

Оставил город свой, оставил,
В котором жил, творил, лукавил,
По стройным улицам ходил.
Остался он на месте ровном,
Осиротевший безусловно,
Наверное, тебя любил.
А ты спознался с москвичами,
Начальствовал по мере сил,
Постановленья выносил...
Но всё стоял перед глазами
Твой странный город, как мираж,
Где в воды смотрит Эрмитаж,
И достоевскими дворами
Утыкан пасмурный пейзаж.
С первопрестольною Москвою
Своей усталою душою
Поладить до конца не смог.
К Неве вернулся, с ней остался,
Туманам северным достался,
Под камни северные лёг.

7 августа 1991 г.

* * *

Нежно-нежно тебя убаюкаю,
Уходи в одиночество сна,
На земле покаяньем и мукою
За грехи заплатила сполна,
Всем снабдил я тебя при рождении
Сердце дал, разуменье, глаза,
Уникальных эмоций сплетение
И убийственное самомнение —
Крепко в узел судьбу завязал.
Предрешая нелегкое плаванье,
Парусами любви оснастил,
А под вечер пригнал тебя к гавани,
Выходи на дощатый настил.
Доски мокрые, горько-соленые,
Твои узкие примут следы.
Ну, печальями не обойденная,
Протяни мне ладонь, выходи.
Прогуляемся вместе по берегу,
Все же отдых какой-никакой.
Миновали разборки, истерики,
Шоколады, услады, америки . .
Обрела, заслужила покой.
Все мои порученья исполнила,
Отдыхай, ни о чем не скорбя.
Солнце село, и звездами полное
Сверху небо глядит на тебя.

16 сентября 1993 г.

* * *

Я не могу по телефону
Читать стихи. Уж извини.
Безтелефоние верни,
Моё по смыслу, по закону.

Ведь было же – передо мной
Сидел и слушал ты, прощая,
И плакал, крылья ощущая,
Развёрнутые за спиной.

А телефонная возня –
На самый на последний случай.
Ты приходи, так будет лучше
И для тебя, и для меня.

23 февраля 1992 г.

* * *

Моя лодка на дно опустилась. На дне
Хорошо, кислорода хватает.
В тишине, в изумрудной лежит глубине,
О подъёме наверх не мечтает.

Дело в том – моей лодке не нужен подъём,
Подниматься она не желает.
Вот лежит, размышляет о том и о сём,
Не спеша обо всем размышляет.

О своем преимуществе жить под водой,
От людей глубиной отделяться,
Себя чувствовать рыбой, морскою звездой,
Элементом подводного братства,

Осьминогом, акулою... Тихо, светло,
Глубина, словно счастья получка.
И видны через воду, как через стекло,
Кашалота квадратное злое мурло
И морского конька закорючка.

27 декабря 1993 г.

* * *

Ухожу в вечерние пределы.
Буду тихо там существовать,
Чтоб судьба меня не разглядела,
Не заставила переживать.

Пусть вечерней радости прохладность
Проживает в сердце у меня,
Дней моих большая анфиладность
Пусть убережется от огня.

Всё пережитое я забуду,
Всех непозабывтых я пошлю,
Пенсионных чувствований чудо
Приравняет прошлое к нулю.

Пусть сегодня новое рожденье,
Пенсия, как манна из небес,
Краски, перед миром изумленье...
От всего другого наотрез

Отказалась. Ясно? От карьеры,
Угрызений, мщения, забот...
Начинаю жизнь пенсионера,
Ясную, как солнечный восход.

31 декабря 1993 г.

* * *

Что ж, буду праздновать весну,
Коль раскрывает мне объятья.
Без удовольствия нырну
В весенние мероприятия.

В хрустальный птичий перезвон
Среди ветвей обледененья,
В луч, забежавший на балкон,
В кошачье страстное смятение,

И в неба синий первоцвет,
И в дождик пополам со снегом.
В шальную мартовскую негу,
Как в свежее сорванный букет.

Со всеми буду песни петь...
Хоть осень мне куда милее,
Хоть о зиме я сожалею...
Ну как о ней не сожалеть?

Ее, холодную, люблю.
Хотела бы не расставаться,
В заливе тихом кораблю
Пусть приключения не снятся.

Мне бы качаться и дремать
В холодных, неподвижных водах.
И в перестройках, непогодах,
Участия не принимать.

30 марта 1995 г.

* * *

Я чувствую, что я оттуда,
Из листригонов, из морей,
Дельфины, звезды, барракуды,
Нептуна славного причуды,
Моя родня. Когда Борей

Рябит поверхность океана,
Волнует будто грудь мою,
И сердце бьется глухо, странно,
Зовет в коралловые страны,
В глубоководную семью.

Там ждут меня. Там жемчугами
Убрали лестницы дворца,
И посылают вверх цунами,
За мною шумного гонца.

Я ухожу, я к ним, обратно.
Так долго по земле шаталась.
Мне под водою все понятно:
И пузырьков прозрачных малость,

И несуразность кашалота,
И вычурность морских коньков,
И осьминога переплеты...
Зачем мне скучные заботы,
Груз человеческих оков?
Я чувствую, что вся оттуда,
Из океанской глубины.
Я к вам прибуду, барракуды,
Как только сброшу и забуду
Земные горестные сны.

15 марта 1994 г.

О чём я рассказать хотела?
Да, вот, послушайте меня.
Была на свете область целая,
Что не страдала от огня,
Ни разу в жизни не горела.
Там были сёла, городок,
Стояли разные строенья,
Их охранял, конечно, бог
От возгоранья, разоренья,
Пылания, того-сего...
Там жители спокойно спали
И постоянно прославляли
Заботливое божество.
Конечно, был огонь в домах,
Еда варилась, согревалась,
Но пламя не распространялось,
И люди позабыли страх.
Бросали спички где попало,
Костры где ни попало жгли,
Раз в сено молния упала,
И в нём погасла, как в пыли.
А раз ещё такое было...
И всё напрасно - не горит!
Вот жили, тётя говорит,
На ёлку девочкой ходила
Туда однажды. Ничего.
Хоть опрокидывались свечи...
Да, развлекалось божество,
Туманя разум человеческий.
Огонь покорный и ручной

Жил среди них, варил, готовил,
Желаниям не прекословил,
Не жаждал участи иной.
Как будто кругом ограждён
Лишь для людского потребления.
Не знал, не ведал устремленья
Переступить людской загон.
И вот однажды... Ну, конечно,
Зачем иначе бы писала!
Их быт устроенный, беспечный
Сломался. Туча набежала.
Потом вторая, после три
Пришли огромные, как горы,
И от зари и до зари
Всё дождик лил. Дорог узоры,
Дворы, поляны и дома –
Всё стало лужею, болотом.
Всё отсырело. Да чего там,
Всё поплыло, как слой дерьма.
Бежали люди из домов,
Куда подальше уплывали,
Меж них спасения искали
Собаки, множество козлов,
Коровы плыли, как улов,
И куры пузыри пускали...
Потом ушли из неба тучи.
Явилось солнце. Ил вонючий
Сушило долгие часы.
Шмели и мухи объявились,
За ними птицы, кошки, псы,
Рядком на солнышке сушились
И грели мокрые носы.

Вернулись люди. Дядя Федя
Видал – грузовики в пыли
Возили помощь от соседей,
И ясно, спички привезли.
Вновь запыхал огонь в печах,
Какой-то новый, незнакомый,
То слишком яркий на свечах,
То слишком шумный возле дома.
Всё норовил куда-нибудь
Уйти с назначенного места,
То поджигал квашню и тесто,
То не желал в воде тонуть...
Ходили дети в волдырях,
Усы у кошек опалились.
Сначала люди разозлились,
Потом почувствовали страх.
Не совладать с огнём никак,
Не научились, не умеют.
То муж горит, то тёща тлеет...
Конечно, тоже не пустяк.
Или смотрите, сельсовет
Как лёгкий фейерверк пылает!
А рядом школа догорает,
Дымится баня... Спасу нет!
Надежды нет на потушение.
Сгорают, некому тушить!
Огонь отпраздновал крушение
Привычек старых. В возмещение
Былой покорности, забыть
Решился всякую покорность,
Сжигал, свирепствовал, летал,
Покуда всё кругом достал,

Всё истребил, и только чёрность
Оставил после дел своих.
И даже мост, и даже сваи
Испепелил. Конечно, псих.
Средь обгорелостей пустых
Теперь никто не проживает.

14 марта 1993 г.

* * *

Я с вами рассталась, рассталась, рассталась,
Меня среди вас не осталось.
Ни глаз, ни походки, ни голоса нету,
Багаж уложила в карету.
И все увезла, чем себя защищала,
И латы, и шлем, и забрало.
У вас не турнир, беспардонная свалка,
Поганить оружие жалко.
Я рыцарь, я ваши разборки, дележки,
Видала в гробу! Мне нельзя по уставу
Участвовать в номенклатурной кормежке,
Для рыцаря это отрава.
Доверье, над коим вы так надругались,
Со мною, здесь надобен лекарь.
Убить, не убили, хоть очень старались,
Живет, но надолго калека.
А к вам уваженье и дружбу убили,
Обоих, стреляли дуплетом.
Сожгла и развеяла горсточку пыли,
Совсем не жалею об этом.
Лишь память осталась пока, ну да ладно,
В дороге в окно улетит и растает...
Ну, в путь, уже вечер, туманно, прохладно,
И птиц надо мною крикливая стая
Спасение сопровождает.

20 декабря 1993 г.

Я вся порыв, я вся движенье,
Такою мама родила.
Не помню чудного мгновенья
Чтобы спокойною была.
В себе разумности не вижу,
Ни капельки не нахожу.
А так ведь хочется поближе
К спасительному миражу.
Чтоб никаких тебе волнений,
Ни грусти, ни наоборот,
Чтоб проплывал з годом год
Цепочкой умозаключений.
Не надо водопада звёзд
И никакого водопада.
Мне шума вообще не надо.
Пускай один суровый Гост,
И ничего, что вон из ряда.
И я остановилась чтоб.
Не насовсем, не пуля в лоб,
А просто чтоб воображенье
Своё замедлило круженье.
Порывы – вон.
От них лишь звон
В душе. И синяки на теле.
Движенья? Если есть резон,
И то немножко, еле-еле.
Вот план – молящейся коран.
Вот всё, что я иметь желаю.
Мой ритуальный барабан
Гремит, внимание призывая.

Но толку нет, вниманья тоже,
Напрасно вылезать из кожи.
Призыв напрасен, как и ране,
Вотще стучу на барабане.

1986 г.

* * *

Я ухожу из-под обстрела,
Я выбываю из игры.
Каким бы цветом снежно белым
Волхвы не красили дары,
Я не приму их. Не нужны
Удачи, выдачи, предтечи...
Котомки погружу на плечи,
Из вашей каторжной страны
Уйду, от мелочных расчётов,
Интриг и злобной болтовни,
Мне эта подлая работа
Ну абсолютно не сродни.
В баулы веру упакую,
Спокойствие и мастерскую,
И радость творческого дня.
Уйду тихонько. Оставайтесь.
Грызитесь, самоубивайтесь,
Но только сами, без меня.

18 декабря 1992 г.

* * *

Сегодня первое апреля.
Цепочку вечного вранья
Порвем сегодня ты и я.
Хоть нам наоборот велели.
Велели праздновать обман,
Настойчиво рекомендуют.
А правду-матушку крутую
До завтра опустить в карман.
Пусть там недолго полежит,
Мы завтра снова честны будем,
Не повредит правдивым людям
Обмана кратенький визит.
Все так. Но мы-то, мы с тобой
Другие. Мы без перерыва
Всегда, во всем, повсюду лживы,
Другой нам нужен перебой.
У нас ведь первое апреля
Весь год и тянется и длится,
И правды организм страшится,
Как отравляющего зелья.
Отравимся сегодня, друг!
Откроем искренности двери,
Ведь все равно никто вокруг
Апрельской правде не поверит.

1 апреля 1996 г.

Ну почему со мной весна
И луч луны не совпадают?
И тихой нежности волна
Мне сердце не переполняет?
Зачем ромашки на лугу
И лепет ласковый младенца
Моё не умиляют сердце?
Зачем в себе не берегу
Цветов засохших ароматы,
Что были дороги когда-то
Душе, парившей в вышине?
Зачем всё это чуждо мне?
Обидно, да и как-то жаль.
Других возвышенна печаль
Подъемлет тихо и уносит,
Восторгов чистых сердце просит,
И тишины на склоне дня.
Зачем они не для меня?
Ну отчего ни ширь полей,
Ни сына с матерью прощанье
Не вызывают пониманья,
Не трогают души моей.
Перед лаптями, туеском,
Оглоблей или самоваром –
Восторга тоже нет. Задаром,
Задаром даже не нужны
Для украшения стены.
Зачем восторженный порыв
И даже слёзы умиленья

Во мне рождают удивление,
Ничем меня не захватив?
И как-то неудобно вдруг
Мне за друзей своих, подруг,
Быстрее стараюсь удалиться.
Чтобы собой не помешать,
Поля восторгом оглашать,
И моей черствости дивиться.
Что я, изгой? Зачем с собой
Бороться даже не желаю?
Иду тропинкою ночной
И мир волшебный под луной
Как должное воспринимаю.

2005 г.

* * *

Пред тобой, увы, виновна,
И смотрю, мне интересно,
Бесконечно интересно,
Неужели не простишь?
Ведь я давно тебе известна,
Как слова знакомой песни!
Неужели сон прелестный
Ты мне снова возвратишь?
Я сама себе противна. -
Вспоминаю с содроганьем
И сюрпризы, и капризы,
Все деяния свои.
Как работала активно,
Подрывая наше зданье,
Все обрушила карнизы,
Расколола фонари.
Неужели ты простишь мне,
И забудешь? Неужели?
Неужели отворачения
Не чувствуешь ко мне?
Я приеду на неделе,
А то эти “неужели”
Нагноились, заболели,
Словно раны на войне.
Снова буду я плохая,
Снова будешь ты хороший.
И напрасно ожидаешь,
Что свои капризы брошу.
Всю природную ничтожность
Постараюсь в ход пустить,
И создам тебе возможность
Ещё раз меня простить.

1987 г.

Туман клубится и в тумане,
Как призрачные маяки,
Идут на битву, на ристанье,
На добыванье пропитанья
Волки, позорные волки.
Туман ползет неумолимо,
Как ртуть тяжелая, как СПИД.
Его объятием убит
Лес остывающий стоит
Словно реальности помимо.
Реки играющей движенье
Охрипло и на нет сошло.
Тумана серенькое зло
Веселье жизни пресекло
И радость самовыраженья.
И только хищники в тумане
Идут посланниками зла.
Предупрежденная заранее
Луна на небо не взошла.
Зачем, с какого перепуга
В тумане путаться, висеть,
Не освещая и на треть
Размер сценического круга.
И все, что там произойдет,
Все убиенья, насыщенья,
И жертвы пойманной мученье,
И хищника тугой живот?
Лучше потом, когда туман
Уйдет, как никогда и не был,

Взойти на вымытое небо
И осветить его экран.
С собой звезды привести,
Их разместить на влажной ткани,
И на светящемся экране
Жестокость воспроизвести. -
Где Лев терзает Козерога,
Тельца и братьев Близнецов,
Ну а Стрелец своей дорогой
Несётся, звездного чертога
Решать проблемы не готов.

5 мая 1996 г.

15.30 самолет Москва-Афины.

Как в отравленную зону,
В грязный пригород Москвы
Я въезжаю. Многотонный,
Город сумрачный, бессонный,
Задышал из синева.
Своим утренним дыханием,
Астматическим, зловонным,
Нас коснулся, как лобзаньем,
Нежеланным, непреклонным.
Дым какой-то серо-бурый
К окнам грязным прилепился,
В нем качаются фигуры,
И деревья, и бордюры,
И сплетенья арматуры...
Словно город не умылся.
На лице заботы пятна,
Чернота морщин глубоких,
И засохшие потеки
На одежде неопрятной.
Да, отравленная зона...
У людей в глазах бездонных
Столько горя, столько боли,
Что как будто поневоле
Я дыхание задержала,
Опасаясь надыхаться
Темным ужасом вокзала,
Черных толп, что суетятся,
Что бегут, бегут под землю,
Сумки тащат, упаковки –
Нищеты своей уловки...

Но напрасно я приемлю
Меры, силюсь отделиться,
С окружающим не слиться,
Ртом и носом в шарф уткнулась,
От несчастий отвернулась.
Все напрасно, это ж зона,
У неё свои законы:
Поглощает всех мгновенно
Город сумрачный, растленный,
Странной властью облечённый,
На несчастья обречённый.

25 ноября 1996 г.

* * *

Душа, как бабочка, Психея,
Летает где-то без меня.
Вослед за нею не умею
Лететь. Порой на склоне дня,
Уж чувствую — нетерпеливо
Восток крылатую зовет.
Уложит спать меня, и вот,
Неописуемо счастливо
Осуществляет свой полет.

Я сплю, и сонные виденья,
Дневной заботы отраженья,
Дневной безумной суеты
Меня томят, меня тревожат,
И предостереженья множат
Свои угрюмые черты.

А утром просыпаюсь — здрасьте!
Со мною легкость, радость, счастье.
Она вернулась, принесла.
Откуда, где она летала?
Где дефицит такой достала?
Где просветление взяла?

1989 г.

Иригуда

ПОЭМА

*“Глупо так зачем шучу?
А что за дело вам? Хочу!”
А.С. Пушкин*

“Что за шуточки всё время
Надо всем и надо всеми?
Мудрости наперерез,
Уважительности без?”
“Ой, простите, ой, простите,
Дорогой читатель-зритель!
Необдуманно резвилась
И смешинкой подавилась.
Бросьте книжку, не читайте!
Впредь писать таких не буду!
Но смешинку мне оставьте,
И смешинку и причуду...
Пусть всегда живут со мною,
Мне родные эти двое”.

* * *

Зима холодная приснилась,
И лес ночной... Я заблудилась.
Висели звёзды, как игрушки,
Молчали белые стволы,
Мороз крепчал... Вдруг вижу – Пушкин
Соткался из морозной мглы.
Он тоже потерял дорогу.

Мы стали вместе выбираться.
Но лес сдвигался! И, ей-богу,

Деревья, словно бесов братство,
Вдруг закачались, зашумели,
Чем вызвали прилёт метели,
Нас замотавшей, закружившей,
Запудрившей, запорошившей...

Мы в круговерти заблудились
Метельной! Уж почти простились
С земной юдолию навек,
Вдруг путь нам Леший пересек!
На повороте подождал,
Потом тропинку указал,
И мы, представьте, очутились,
Когда уж и не ожидали,
Средь сосен, как в огромном зале!
Здесь финиш сделался пурге,
Открылся домик на ноге
Куриной. Около крылечка
Слуды, и на окошке свечка...
Прочли воззвание на двери:
“Стучите громко, кто не верит,
Что выйдет из лесу!” Ура!
Стучим. Баб-ёгина сестра
Открыла и, спеша куда-то,
Исчезла, не спросив имён.
В сенях темно и душновато,
Напротив – двери на балкон...
За ними слышен громкий смех,
И видятся в дверной прорехе
Как будто летние утехы...
Да, нам неплохо бы утех!
По пыльному половику
Пересекаем помещенье,

Нам вслед часы, издав шипенье,
Кричат нахальное “ку-ку”!
Дверь раскрываем и в мираж
Вступаем, страшно даже:
Терраса над песчаным пляжем,
Впечатанным в морской пейзаж!
Пляж метров тридцать шириной,
Весь полнится голубизной,
Морским прибоем, солнца лаской,
Короче – греческою сказкой!
На пляже средненько людей...
Мы с ними воссоединимся.
Ступенек нету? Без затей
Через перила! Приземлимся
Благополучно меж камней,
И, осмотревшись, удивимся:
“Ой, Пушкин, обрати внимание:
Вокруг тебя знакомый люд –
В шезлонгах амарету пьют
Соседи твоего изгнания:
Раевские и Воронцов!
Из моря Геккерны выходят.
По старомодности трусов
Барон здесь первый. На природе
Разнежился, прилёг под тент...
Какой для телика момент!”
А вон, а вон и Натали!
Чего она так побледнела?
Молчком от Геккерны отсела...
Да, мы некстати забрели
Сюда с тобою... Что, застукал
С Дантесом женушку свою?”
Ну и чего орешь “Убью!”,

И к пистолету тянешь руку?
Ведь раз уже один подрался...
А счас, да ладно... Испугался
Дантес с Натальей... Не строчи
Ни вызова, ни эпиграммы.
Бог мой, какой же ты упрямый!
Смотри, тут рядом калачи
Любые – вон Собаньской тело,
И как прелестно загорело!
Вон все тригорские девицы...
Нет, ты предпочитаешь злиться,
И нарываться вновь на пулю...
Считаешь, сам его убьёшь?
Ну, дорогой мой, ну за что ж?
За то, что в море окунули
Прекраснейшие телеса?
Но это же не криминально!
А в наши времена – банально.
Пошли в кафешку, там попса,
Там девы супер-идеальны
И пляшут аж по полчаса!
Не хочешь? Ладно, оставайся,
Драчун, задира, дуэлянт!
Меня твой пагубный талант
Достал! Ну что же, нарывайся
На драку, только без меня,
Мне наплевать на все измены,
Я удаляюсь, и мгновенно,
Свой сон и свой покой храня...
Тебя оставлю меж твоими
Друзьями – разбирайся с ними,
К вражде тебе не привыкать,
К интригам и обманам братским,

Но всё ж старайся избегать
Всего, что к выстрелам дурацким
Ведёт. А если надоест
Рискованное приключение,
Знай, жду тебя. Немного мест
На свете, где с таким волнением
Тебя бы ждали! Так что уж...
Ой! Но у вас же пистолетов
На телесах раздетых нету!
Так что немислимая чушь –
Картечь, стрелянье! Да к тому ж
Я бабушку Ягу с сестрою
Счас разыщу и враз устрою
Подглядыванье за тобою!
Пусть бдят, чтоб по второму разу
Не впал в идиотизма фазу.
Хлыщ горделивый и упрямый,
Перо, бумагу я взяла,
Чтоб ты не накропал со зла
Язвительную эпиграмму!
Ну что же, признанный, маститый,
Здесь приключению finita.

* * *

Проснулась. Да, то был лишь сон,
Как я в начале вам сказала!
Оделась, вышла на балкон...
Какой писанью был резон?
Зачем вас байкой забавляла?
Ведь наяву он не придёт,
Поэт, не вовремя убитый,
И всё ж недаром сердце ждёт:

Вот вновь усну, и пёстрый свиток
Взаимных встреч начнёт вертеться
И разворачиваться! Да,
Ведь никогда и никуда
От снов подобных мне не деться!
Ну а с балкона виден двор,
Пока что утром он пустынен,
Аптека, магазин, забор,
И Кот Ученый, что протёр
Златую цепь о дуб, и ныне
Всё продолжает протирать,
Всё ходит, ходит... Счас орать
Начнёт очередную сказку,
Их у котяры под завязку...

21 мая 2011 г.

* * *

Я у Христа за пазухой жила,
Там обстановка чистая, уютная.
Потом его раздели догола,
Распяли, я осталась бесприютная.
Решив, что навсегда сгустилась тьма,
Рыдала, не надеясь на спасение.
От радости чуть не сошла с ума,
Приветствуя святое воскресение.
И поскорей за пазуху к нему.
Он ожидал, он по друзьям соскучился.
Свою недолговечную тюрьму
Не проклинал, хоть видно, что намучился.
Поговорили, осудили зло,
Я рассказала про свои страдания...
Он говорил: да ладно, все прошло.
Был полон доброты и понимания.
В окне шептала пыльная листва,
Пришла Мария, молодая, складная.
Мед на столе, лепешки и трава,
Овечий сыр и молоко прохладное...
Был вечер, плыл магнолий аромат,
Все в мире было ласково и молодо.
Мы вышли на крыльцо, горел закат
Над озером расплавленного золота.
И вновь текут счастливые года,
Забыты мною нежити угрюмые.
Вот только опасаясь иногда:
Вдруг снова распинать его надумают?

Август 1993 г.

Ночь

Почему мне не спится, мне ночью не снится?
почему в три часа меня будят?
Новый ум собирается что ль народиться
В темноте, чтоб не видели люди?

А я снова себя заставляю уснуть,
Не желая услышать подсказку.
Мне бы встать, мне бы встать
на предложенный путь,
Время ночи – с прошедним развязка.

Всё способствует мне, всё навстречу спешит,
Темнота, тишина во вселенной...
Вот мгновенье ещё – старый ум улетит,
Ветхий, неуправляемый, тленный...

Свято место под черепом станет пустым.
Мне неведомо, чем обернётся
Новый супербожественный чистый интим.
Может вспыхнет, как яркое Солнце!

Иль Луны серебром разольётся во мне,
Или Радостью, Счастьем, Покоем
Народится бесшумно в моей глубине
И останется вечно со мною!

*21 сентября 2007 г.
отель “Плаза”, Лимос, Греция.*

Политзарисовка

Свинство с этими стихами.
Были – буря, были – пламя.
Счас спокойны и ровны,
Будто нет кругом войны.

Будто Ельцин с Горбачевым
Не схватились в поединке.
Будто мы не в середине,
И поэтому урон
Получаем с двух сторон.

С двух сторон и обещанье
Нам устроить процветанье
В лучшем виде. Мы поверим,
Все сомнения похерим.

Мы доверчивы, наивны,
Ну, короче, примитивны.
И поэтому у нас
Нос попорчен, выбит глаз,

И от голода коленки
Подгибаются... Ау!
Эй, которые за стенкой,
За кордоном, вас зову!

Нам подкиньте пропитанье,
Разберёмся мы пока,
Чья тяжелая рука
Нам устроит процветанье.

23 марта 1991 г.

* * *

Отвинтил бы кто-то голову мою,
Вот тогда бы оказалась я в раю.
Не найду пока охотника, увы,
А приятно бы пожить без головы.

Ни варить бы, ни кумекать не могла,
Ни прикидывать, рассчитывать, влиять.
Жизнь была бы не черна и не бела,
Нечем стало бы ее определять.

Даже пусть лицо останется, глаза
Будут в небо темно-синее вникать,
Уши звуки из природы пропускать,
Первозданные, как чистая слеза.

Нос услышит ароматы пирогов
И весною испарения лугов,
Ну а рот , испивши сливовый компот,
Благодарностью веселой расцветёт!

Значит, лишние во мне одни мозги.
Измотали, изувечили совсем!
Темнотою всё задернули – ни зги
Среди сумрачных расчётов и проблем.

Отвинтил бы кто-то голову мою,
Вот тогда бы очутилась я в раю.

1987 г.

* * *

Влепил под зад тяжелой дланью
И успокоился. С тех пор –
Анкор, анкор, ещё анкор!
Безостановочно скаканье.

Сквозь обруч или через стек,
За эфемерною подачкой
Всё скачет, скачет человек
Послушной жадною собачкой!

А дрессировщик так небрежно
То посылает лёгкий свист,
То опускает тонкий хлыст
На сердце, орган самый нежный.

Длань тяжела, удар нацелен,
Болезнен и порой смертелен.
Ну а подачка не даётся,
В проекте так и остаётся.

2 февраля 1998 г.

* * *

Я своей прыткости устала удивляться.
И видеть, как кругом, спокойствие храня,
Всяк укрощает своего коня,
Чтобы верхом по жизни прогуляться.

Прогулки так приятны и полезны!
Не обязательно уздой железной
Кого-нибудь там вздёрнуть на дыбы.
Нет, важно осознать – мы всё-таки рабы,
И перестать бороться бесполезно.

Какою мудрой будет эта власть!
Умение одолеть, желания и страсть,
И плавно двигаться, приемля равнодушно,
Обиду и беду, и прочую напасть.

2010 г.

* * *

Ты законов не усвоил.
Что за бедствие такое!
Говоришь с тобой – трясина,
Оступился – канул, сгинул.

Всё не так, как в умных книгах,
В человеческих наставленьях.
Никаких реальных выгод
В неоправданных стремленьях.

Почему не совпадаешь
С мировой установкой?
Быть с тобой не очень ловко,
Никогда не угадаешь,

Что ты скажешь, как поступишь,
Где продашь, а где прикупишь,
Сам себе, необъяснимый,
Будто за руку водимый.

Но безумно интересен
Результат твоих движений!
Не отстану, хоть ты тресни!
Обещаю – сожалений
Не услышишь, ты, трясина,
Добровольно не покину.

* * *

Минасу Аветисяну

Хорошо, тебе Минас, ты умер.
Ну а я пока живу, мне плохо.
У тебя – не ахов и не охов,
У меня – смертельный номер,

Высоко под куполом. Внизу
Публика ехидно затаилась.
На её рассчитываю милость,
На веселье, или же слезу,
И расчётом этим утомилась.

Ты ведь тоже с ними жить не смог,
Несмотря на то, что пресмыкался
Кое-кто у ног, другой – смеялся,
А над всеми бог, всевышний бог,
Никогда за правду не вступался.

Хорошо тебе теперь в тиши?
Ну а вдруг “тиши” и вовсе нету?
Нету жизни той, а в жизни этой
Нет цены величию души.

1999 г.

* * *

Чувства нету. Все монеты
Порастрачены без прибыли.
Отстучали кастаньеты,
Танец кончился, мы выбыли.

Трам-там-там, в восторге зритель:
“Повторите, повторите!”
Нет ни силы, ни желанья,
До свиданье, до свиданье.

Всё сплясали, что оплачено,
Что в билетиках означено.

Свет погас. Пальтишки розданы.
А перчатки не опознаны.
Кто ушел с руками голыми
И глазами невесёлыми?

Может после представления
На душе его смятение?

1997 г.

* * *

Ждёт подъезд нашу бомжу.
Ждёт-пождёт, бомжа не приходит.
Я по площадке пустой хожу,
Ушла бомжа зимы на исходе.

Старая сумка меж рам лежит,
Зеркальце, куча газет, коробка...
Нету бомжи, нету бомжи,
Нашей усталой, голодной, робкой.

Как улыбалась, благодаря
За хлеб, за чай, за берет немодный,
Мёрзла с нами до декабря,
У батареи сидя холодной.

Тихо на стуле в углу спала,
В валенках старых, в дырявой шали...
Кто ты была, откуда была,
Так никогда мы и не узнали.

И не побежали тебя искать.
Нам и самим сегодня несладко.
Но, если жива, приходи опять
В наш подъезд, на нашу площадку.

1995 г.

* * *

Осень, тишь увяданья,
Грустных мыслей поток.
Бредит воспоминаньями
Улетевший листок,

Бредит кожей сброшенной
Златоглазый питон,
Бредит лезвие ножнами,
Сердцем раненым стон.

Бредит кисточка красками,
И, в ночи одиноко,
Бредит теплыми ласками
Беспризорный щенок,,.

Бредим всем, что оставили.
Жадно смотрим вослед,
Будто вечностью правили,
Да свалились в кювет

И сидим на обочине
Тишина, листопад...
Птицы, как многоточие,
Через небо летят.

Полинялой рогожею
Травы наземь легли,
И покинутой кожей
Лето тлеет в пыли.

30 сентября 1994 г.

* * *

Мышеловка да, захлопнулась,
Но хребет не перебила.
Меж решёток на пол шлёпнулась,
Огляделась и решила:

Ты ошибся, уважаемый,
Полагая – пришибёт.
Но по мне, неприкасаемой,
Даже молния не бьёт.

Терпеливо и внимательно
Стала прутья изучать.
Да, свобода притягательна,
Но рыдать необязательно
И права свои качать.

Лучше выясню возможности,
Из неволи ускользнуть.
Твои хитрости и сложности
Я сумею обогнуть.

Всё сегодня же проделаю,
Ведь хребет не перебит!
Поищи другую, белую,
Мышу тихую, несмелую,
И пускай она сидит.

20 апреля 1992 г.

* * *

Здесь Америка, не хрен моржовый.
Быт налажен, он безукоризнен.
Вроде всё продумано для жизни,
Только мне не начинать по новой.

Мне мои родные неполадки, -
Эти, что в Селятино остались,
Из Америки они безумно сладки,
Вот пригрезились, приснились, примечтались.

Запах нашей комнаты приснился,
Мурка с ошалелыми глазами.
И в окне посёлок, словно в раме,
Занесённый снегом появился.

В комнате по-зимнему прохладно,
На стене Семёныча картина.
Как смотрела, как вдыхала жадно
Сладкий сон о близких и любимых.

Здесь Америка, не хрен моржовый.
Быт налажен, ох как он налажен.
Так упитан, лёгок, напомажен,
Без российской дури митинговой.

Только мне чего-то плохо спится,
И ночами Подмоскowie снится.

Август, 1992 г.

Разлика со стихотни

Сложные, простые...
Были? Наплевать!
Сгинули, остыли.
Что же толковать?!
В зелени весенней,
В пенье петуха,
В шелесте растений –
Прошлого труха.
Странно, почему же,
Почему весной?
Если б осень, лужи,
Антураж иной...
А то ликованье,
Солнце в небесах,
А тут тебе прощанье,
И переживанье,
И холодный прах...
Это я о чём же?
Это всё об вас.
Где вы, рифмы-бомжи
Бродите сейчас?
Меж какой заразы,
У ларьков каких
Расточает фразы
Мой любимый стих?
Может быть убогий,
Жалостный на вид,
Тощий, колченогий,

На полу сидит
В переходе длинном
В почве под Москвой,
Трепетный, интимный,
Абсолютно мой.
Может даже в луже,
Скрючился, уснул...
Ну скажи, кому же
Нужен твой загул?
Я ведь обманула,
Мне не наплевать.
Общие загулы,
Счастье рифмовать.
Помню, ох как помню
Сердца в глубине!
Приходи, бездомный,
Возвратись ко мне!
Осенью, зимою,
Летом... когда хошь!
Нехорош собою?
Для меня хорош.
Пусть совсем немного
Времени у нас,
Пусть судьба убога,
И неровен час...
Но будем год за годом
Рядом пребывать,
И общие невзгоды
Вместе рифмовать.

24 мая 1993 г.

* * *

Должны быть проигрыши – это ненормально,
Коль выигрыши есть, а проигрышей нет!
Всё это знал ещё любимый мой поэт –
Не раз проигрывал и очень капитально.

Везде, где чувствами слепыми увлечен,
Летел, последствиями мало озабочен,
Везде проигрывал, расстраивался очень,
И плакал, потеряв иллюзий сладкий сон.

Он очень был горяч и очень одарён.
Я просто никого подобного не знаю.
Вот и проигрывал! Тебе ж судьба иная –
Ты проживёшь, страстей минуя полигон.

Сплошные выигрыши, ими путь устелен –
То компенсация за хлад в душе и теле.
За то, что чувства безоглядного не знал,

Благоразумно жил, не плакал, не страдал,
Любил расчетливо, в пределах, еле-еле...
Вот потому-то ты сегодня проиграл.

14 сентября 1997 г.

* * *

Мы копили, мы копили,
Счас расходовать начнём.
Купим радужные крылья,
Купим воли изобилье
И просторы под крылом.

Ну а рабство нам присудят.
Просто так, для равновесья.
Чтобы жили мы, как люди,
Не как птицы в поднебесье.

Мы, конечно, подчинимся.
Что поделать, приказанье.
Крылья сложим, приземлимся
И печально растворимся
В человечесьем нелетанье.

19 мая 1992 г.

* * *

Выходи, Душа, выходи,
Выходи, выходи из тела!
Семь десятков лет отсидела...
Если что-то ждёт впереди,
То, хотела бы – не хотела,
Но обязана это узнать!
Вдруг там что-то для нас маячит?
И проявит себя иначе,
Чем земная неблагодать?

Что тебе в телесной скорлупке?
Тесной, старой, болезненной, жалкой.
Мы её в огонь и на свалку,
И, как ветер над полем порубки,
Улетим! Ты в объятьях со мной!
Мне земная бодяга тоже
Уж давным-давно непригожа,
И желательно жизни иной!

Ну, смотаемся, договорились?
Раз – отрыв и прыжок в вышину!
Рабство, волю, любовь и войну,
Деток, кошек, мужа, жену –
Всех забыли, со всем распростились!

Да не бойся, не брошу одну!
Это ж я пред дорогой присела.
Ты готова? Ну, смело за дело!
Прицепляйся, а то упрохну.

15 октября 2004 г.

* * *

Мне бы только обнять,
Мне бы только обнять,
Мне обнять бы тебя, мой любимый!

Не стремлюсь разузнать,
Не стараюсь понять,
Разве знания необходимы?

Мне б с тобой на двоих
Разделить мою боль,
К утешеньям твоим приобщиться!
А от знаний мирских, от вопросов – уволь,
Пусть в мой разум базар не стучится,

Я ему не открою!.. Прильнувши к тебе,
Близ тебя от блаженства растаю,
Растворюсь, непричастная к общей судьбе,
Никакая, совсем никакая!

Видишь слёзы мои? Бесконечен поток,
Бесконечно к тебе устремленье!
Умоляю, приди! Уведи за порог,
От земного избавь притяженья.

25 сентября 2007 г.

* * *

“Кремовые шторы, господа...”

Михаил Булгаков “Дни Турбиных”.

Кремовые шторы, господа,
Над Борисом кремовые шторы...
Мы сидим в Смоленске до упора,
Мы, возможно, сели навсегда.

Мы должны приличия блюсти.
Созерцаю белые карнизы,
Созерцаю из партера, снизу,
И соображаю, как уйти.

Люстрами утыкан потолок,
Символами музыки украшен...
Вот сатир бутылку поволок
В мало освещённый уголок.

Зал молчит, нахальством ошарашен.
Что там происходит в уголке?
Музыка, наверно, ликование...
Хорошо у них на потолке,

А у нас сплошное воспитанье.
С кем бороться и куда идти,
Учит знаменитое явление.
Как не сбиться с верного пути,
И остаток жизни провести
В нравственном, моральном отупенье.

Я внимаю, ну а надо мной,
Боже мой, какая панорама –
Геркулес, Омфала, Антиной,
На Сатире белая панама...

Море, и над морем облака,
Белый парус, белые барашки,
Белая колонна маяка,
Пена, словно кружево рубашки...
Неуместен обличений гром,
Поучения и назиданья.
Нет, давайте всё-таки уйдём,
Больно уж высокое собрание.
Отряхнём моральную труху,
Пусть сосед пребудет озабочен.
Выйдем в парк, где обаянье ночи,
И покой божественный вверху.

16 января 1993 г.

Смоленск, Дворянское собрание.

Встреча с писателем Борисом Васильевым.

Месяц сквозь ветки и птицы, и птицы, и птицы...
Ниже – дома, в них окошки наполнены светом.
Только в раю красота эта может присниться,
Только присниться, и только, пожалуй, поэтам.

Чуть занавеска окрашена лампой в полсвета,
За занавескою ясная, звонкая стылость...
Птица на месяце... Как она там очутилась?
Это известно опять-таки только поэтам.

Нежная розовость в небе, там, видимо, всходит светило,
Там, далеко, где планеты и протуберанцы,
Звёзды бледнеют, как точки проеханных станций,
Точки событий, которые я позабыла.

Рай, ну конечно же, Рай, если
 память и та замолчала,
Утро сияет в окне, словно
 розовой сказки начало.

21 января 1998 г.

* * *

Шел понедельник, не вовремя шел,
Крался как мышка.
Нет, я не стану чинить произвол,
Было бы слишком.

Мною непризнан, смущён, огорчён,
Всё ж пробирался.
Переступал человеческий закон,
Ощупью крался.

Серым окрашен, обдёрганный, в тучах,
Сам понимал, надо выглядеть лучше.
В прошлый приход ведь сумел, постарался:
Солнцем искрился, зарёй занимался!

Но я не стану чинить произвол,
Пусть наступает, уж если пришел.
Пусть наступает, хоть жаль, что в субботу,
Предполагает не отдых, работу.
И в мастерскую ведёт, в мастерскую.
Ладно, пойдём, я тебя нарисую.

1 апреля 1993 г.

Дом, а дом, где твой фасад?
Занавески где висят?
Где подъездная дыра
И где мусорка с утра?

В семь пятнадцать приезжает
К нам во двор без опозданий,
И из баков выгребают
Принесённое заране.

Каждый вечер в баки эти
Сыплю бедствий пересчёт.
Всё надеюсь – на рассвете
Их машина увезёт.

Она точно забирает,
Но, объехав сбоку дом,
Тут же рядышком теряет
На асфальте за углом.

Видно очень плохо крышка
Закрывается, неплотно.
Ко мне вечером дремотным
Возвращаются, как мышки:
Мысли мрачные, глухие,
Предрассудки, предсказания,
Суетливые желанья,
И по счастью ностальгия.
Мои кошки не гоняют
Эту нечисть, не едят,

Пищевод оберегают,
Печень портить не хотят.

Вдруг да заворот кишечный
От помойной ерунды,
От хронической, извечной
Человеческой беды?

А с фасада всё в порядке,
Нету мусора ни крошки,
Кисеи воздушной складки
В чисто вымытом окошке.

Да, конечно, здесь фасад,
Где стою я на пороге,
А из форточки чертоги,
Как из клетки носороги
В мироздание глядят.

22 марта 1993 г.

Утреннее стихотворение

Бросьте сетовать,
Что покуда не отпечатанный.
Он от этого
Не менее замечательный.
Мой единственный,
Мой капризный, сын своенравия,
У тебя сегодня лицо Иосифа Флавия.
Все поклонники, твои зрители
Восхищаются.
На любого, кто подозрителен,
Ополчаются.
Старый, маленький...
Только мне исключение,
Твоей маменьке
Поклонение и почтение.
Утром, жди не жди,
Только солнце ввысь,
Ты уж тут как тут.
За тобой вожди
По ступенькам вниз
Чередой идут.
Я проснулась лишь
Ещё вялая, ещё сонная,
У тебя каприз –
Побеседовать с примадонной.
Что ж, Иосиф мой,

Своевольный псих,
Сядь пожалуйста,
А рабов конвой
Пусть в сенях моих
Прохлаждается.
Расспроси о нас,
Молока попей.
Чаю с мятою.
Причешусь сейчас
И скорей-скорей
Напечатаю.
Никуда пока не пошлю тебя,
Здесь останешься.
До чего поутру люблю тебя,
Моё таинство.

6 декабря 1993 г.

Стихам

Что ж, не будет мне стихов – и не надо.
Я не знаю из какого из сада
Доносились сладкозвучные трели,
Меня нежили, ласкали и грели.

Меня нежили, во всём потакали,
И руки моей и сердца искали...
Обручилась... А теперь вот в разводе,
Уже стала нелюбимою вроде,

Посторонней. Не привыкну к разводу,
Не пойму, зачем разлука бывает.
С горя брошусь в тёмно-синюю воду,
Где зелёный крокодил проплывает.

Пусть проглотит – мне житьё не отрада
Без любимых песнопений из сада.

21 мая 1997 г.

* * *

Ложимся рано, в шесть часов встаём,
И телевизор брошенный ржавеет,
Вот так вот и живём с тобой вдвоём,
Как свечи, что перед иконой тлеют.

Вчера под вечер у Москвы-реки
Ты голову склонил мне на колени
И задремал. Года невелики,
Ещё не побежали вниз ступени.

Но вот усталость накопилась в нас,
Заботы, огорчения, обиды...
Как весело когда-то жизнь лилась,
Какие мимо проплывали виды!

Алупка и осенний Ленинград,
Попойки брянские, веселья, танцеванья...
Мы были молоды. Теперь за пятьдесят,
Но всё горит свеча восторга и страданья.

Её огонь средь сумерек видней,
Лица любимого яснее выраженье,
Замкнулся круг возлюбленных друзей,
Исчезли суетливые движенья.

Так птицы, завершая свой маршрут,
И вечером над озером снижаясь,
Размеренно, спокойно вниз плывут,
В закате отраженном отражаясь.

6 сентября 1992 г.

* * *

Во мне веселие живёт,
Необоримое веселье.
Как будто праздник, Новый год!
А может быть и новоселье!

Как будто люстры надо мной,
А может ёлочные свечи,
И веселюсь я целый вечер,
Наедине, сама с собой!

Как будто кто-то изнутри
Плюёт на все мои несчастья,
На беспросветное ненастье,
На хмурый день! Как фонари
Пред светлеющий зарёю,
Стоят несчастья предо мною!

Какою силой я живу,
И почему я так упряма?
Переживая наяву
Непререкаемую драму,
Зачем на помощь не зову,
Не провожу свою программу?

Какой потусторонний свет
Во мне зарёй незаходящей?
Откуда? Объяснений нет
Такой конструкции блестящей,

Надеждам, сердцу и уму,
И легковерью моему.

2005 г.

* * *

С привычным телом расставаться -
Ох, неохота, неохота...
Ну чтоб в нём вечно оставаться
И перемен не опасаться -
Какая чудная работа!
Кормить его, и мыть, и холить,
Драпировать в пальто и шляпу,
Всё исполнять, чего изволит
Потребовать: в нос капли капать

Когда простудится, бежать
С ним вместе утречком на лыжах...
Ну кто, ну кто, скажите, ближе
Мне в этом мире? Уважать,

Любить кого могу сильнее?
Завишу больше от кого
В размерах счастья моего
И горести? В сто раз умнее

Оно меня. Мне невдомёк
Его таинственные силы.
Всю жизнь преподаёт урок,
Пытаясь обучить зубрилу

И рассуждать, и понимать,
Вникать в глубины своей власти.
Да где там, повинуюсь страсти,
Желаю только потреблять!

Да, потреблять все блага скопом –
Какой немыслимый просчёт!
Ведь так и лошадь упадёт,
Без отдыха несясь галопом!
Да, видно хватит погонять,
И заниматься самострелом!
Я буду тело охранять,
Чтоб долго оставалось целым
Не обижалось на меня.

12 марта 1993 г.

* * *

Зачем мы люди здесь сейчас?
Кто автор нашей сложной формы?
Звучит вопрос, звучит упорней
Чем что-либо другое в нас.

Ответа ищем наугад,
Он нужен, нужен непременно!
Словесную вздымаем пену
Тысячелетия подряд.

Но не даётся нам ответ,
Наверное, не заслужили.
Ведь всё, что до сих пор нарыли,
Увы, во зло употребили,
Во тьму оборотили свет.

Так что без понимания жить
Нам суждено, уж примиримся.
Быть может, вновь когда родимся,
На этом свете воплотимся,
Услышим роковой ответ.

И, услыхавши, пожалеем
О том, что просветили нас,
О темноте, что мы имеем
В миру сегодня и сейчас.

9 сентября 2003 г.

В Испании

Я в загранике, в далёкой Испании.
От чего же так чувствую, вроде
Всё предвидела, знала заранее,
На испанском выросла огороде.

Отчего я всему идентична –
И в толпе, и в кафе, и в костеле,
Всё знакомо, понятно, привычно,
Будто я в католической школе

Обучалась. Костры инквизиции
Наблюдала, дружила с Гуаном,
И, согласно жестокой традиции,
Бой быков почитала гуманным.

Будто на прекрёстках плясала
С кастаньетами или же без...
Что такое? Иль волей небес
Я когда-нибудь здесь обитала?

Вороватой лахудрой-цыганкой,
Иль блестящим торреро была...
Только память об этом ушла,
Погрузилась душа в несознанку.

Прикипела к росейскому быту,
От меня мою жизнь утаила,
Трафаретно жила и любила
В унисон коренным москвитам.

И лишь нынче, под небом Испании
Пробудившись, возможно на миг,
Всё мне шепчет о прошлых скитаниях,
О былых прегрешеньях моих.

*6 июля 2002 г.
Барселона, парк.*

* * *

Утро ночь мою уносит.
Эй, носильщик, погоди!
Убегает. Сыро, осень,
За окном идут дожди.

Принеси немного счастья.
Ну, носильщик, поспеши!
В темно-серое ненастье
Так потребны для души

Светлой радости крупицы,
Ароматный сок добра,
Искры Божьего костра,
Ручеек живой водицы.

Каждый день приносит думы.
Эй, носильщик, не трудись!
В мою крохотную жизнь
Не заглядывай, угрюмый.

На ступеньках видишь лужи?
Видишь мокрые следы?
Я ушла, ты мне не нужен,
В дверь соседнюю иди.
Я под зонтиком гуляю,
Двери заперла, ушла.
Ключ со мной, тебя не знаю,
Век знакома не была.

Март, 1993 г.

* * *

Если б жизнь моя чуточку перекосилась.
Чуть побольше удач на меня обвалилось,
Я была бы такой, как сейчас?
Не была бы!

В роли очень крутой олигарховой бабы
Я бы жизнь прожила – мужика ублажала,
Мех с прилавков мела
И детишек рожала!

Унавоженный быт
Затянул бы, схомякал!
Дар мой был бы убит,
В уголочке поплакал

И ушёл... Недосуг
Заниматься им было!
Дети, внуки, супруг...
Да уж, перекосило
Бы меня капитально!

Какие там краски!
Неудач и побед повседневные встряски;
Гул бессонниц, депрессий, стихов бормотанье...
И летанье....
Ну что вы, какое летанье?!

На тусовках болтанье,
Коттеджи, вояжи,
Олигархи, любовники, брюлики, пляжи,
За кордоном счета, норки, мерсы, диоры...

И Души нищета
Насовсем, до упора.
Да уж, в смысле удач –
это я погорячилась.
Дар, не надо, не плачь,
Жизнь не перекосилась.

19 августа 2005 г.

* * *

Вы никак понять не в силах,
Мне на Штаты наплевать.
Никогда я не любила
За границей пребывать.

Что люблю – не ваше дело.
С вами мне не по пути.
В стороне прожить хотела,
Только вас не обойти.

Что люблю, ценю, имею,
Всё вы можете отнять.
Потому средь вас немею,
Не решаюсь возражать.

Не решаюсь. Соглашаюсь.
Вашей придури боюсь.
Вам в угоду еду, маюсь,
Негодую и томлюсь.

Делать вид принуждена,
Что ещё и благодарна.
Ах, несчастная страна,
Даже в милостях бездарна.

1981 г.

* * *

У вас мне нужно стать богатой
Иль наниматься в услуженье.
Для первого я старовата,
Второго, точно изверженья,

Боюсь, уж ладно, как-нибудь
Перестрадаю без валюты,
Зато среди всеобщей смуты
Свою не потеряю суть.

Сейчас пишу, как я хочу,
Как мир окрестный понимаю.
Бювает, подолгу молчу
И у соседей занимаю

На пропитанье. Отдаю,
Стираю и капусту квашу,
Звоню, в очередях стою,
Но песни вольные пою,
Свою расхлебывая кашу.

Обидно у себя отнять
Свободу самовыраженья,
Непредсказуемость движенья
На услуженье променять.

И потому Вас огорчу,
Я за границу не хочу.

20 февраля 1993 г.

* * *

За что, за что прижали книзу?
За что? Не ведаю за что.
Куда лететь понятно, вижу,
Да вот, тяжелое пальто.

Как в амуницию по ушки
В материю погружена.
Рубли, копеечки, полушки –
Моя базарная цена.

За эту жирную оплату
Я добровольно продалась.
И всё же, злато – только злато.
Теперь сию, к земле прижата,
И пальтецом обзавелась.

1991 г.

* * *

Чувство без слова –
Вот основа
Всех невыеденных яиц.
Нет такого,
Чтобы прикован,
Очарован,
Повержен ниц,
И чтоб рассуждал!
Да что вы, право!
Чувства октава –
Уму застава,
В мир безумия переправа!
Вето!
Вето уму, его как нету.
Сердце согрето,
Хоть не одето
Бронёй разуменья.
Правит трагично.
Единолично
Его правление.
Эта всевластность
Знаем – опасность!
Но кто, скажите, рассудит,
В наших гореньях,
Иль рассужденьях,
Где мы более люди?

1993 г.

* * *

Такие необычные стихи,
Простые стали.
Остатки золочёной шелухи
Совсем отпали.

Простейшие остались слова –
Одна основа.
Что это – розы, или же трава –
Еда коровы?

Не знаю я, и как-то всё равно,
Не жажду славы.
Со мной пришлю, со мной уйдёт оно
За край октавы.

Последний звук, высокий черный борт,
Я так отважна!
И кто там встретит – ангел или черт,
Уже неважно.

2001 г.

* * *

Мы с ними на одной земле,
Но это их земля, не наша.
И время их. Такая каша
На межпланетном корабле.

Их время, их законный час,
А мы, застрявшие у двери,
Понять не можем и не верим,
Что годы кончились для нас.

Мешаем новеньким, мешаем,
Себя пытаюсь утвердить,
Вопросы их за них решаем,
И вопрошаем, поучаем,
Нам неохота уходить.

Нам неохота, мы боимся,
Ещё пытаемся, стремимся
Увековечить образец.
Они молчат, не возражают,
Возможно, нас не уважают,
Но терпеливо ожидают,
Когда ж слиняем наконец.

Март, 1988 г.

Мясоедам

А может люди станут лучше
В своих злодействах постоянных?
А может я тот самый случай,
Неожидаемый, гуманный?

Не самомнение – расчёт.
Расчёт, что может хоть немного
Того, что у меня от бога,
К моим любимым притечёт.

К любимым, братьям нашим меньшим,
Как именуют потребители,
Их истязатели, мучители,
Включая и детей и женщин.

Вдруг призадумаются? Вдруг
Я окажу на них влиянье?
И безответственный досуг
Испорчу чувством сострадания?

Какая светлая стезя!
Мечтаю, чтобы так случилось.
Чтоб в каждом совесть пробудилась,
Расплатой страшною грозя.

* * *

Очень тихими словами
Тихо жалуясь и плачу,
И отсчитываю сдачу
Шелестящими руками.

Кредитор берёт десятки,
И мусолит, и считает.
Мы давно играем в прятки,
И он знает, он-то знает:

Что стою за перекатом,
Караулю с автоматом,
Все сомнения спая!

Ведь нельзя же в самом деле,
Чтоб десятки улетели,
Были сдачею с рубля.

1985 г.

* * *

Короткая, короткая зима,
Едва пришла, а мне уж жаль, что завершится.
Сегодня пик, сегодня день едва продлится,
И ночь настанет, как бессрочная тюрьма.

Потом начнёт секунды малые терять,
Минуты и часы, весна их прикарманит,
Светлее станет, а потом теплее станет,
Ну и так далее... На всё это взирать

Я буду с чувствами различными – то жалко
Мне будет снега, то обрадуюсь теплу,
То сок попробую, бегущий по стволу,
То подпалю в лесу оттаявшую свалку.

И буду время как попало проводить.
А лето явится – велосипед достану,
С утра на речку буду ездить иль ходить.
Покуда осень не настанет, и по плану

Не будет действовать – у лета отнимать
Секунды малые, минуты и так дале,
Повиснет небо, словно лист тяжелой стали.
И легкомыслие из сердца изымать
Начнёт сезон дождей. А после, после снег
Всё белизной укроет и облагородит,
И снова будет соответствовать природе
Моя печальная и чуждая утех,
Душа остывшая, почти что ледяная,
Зиме любезная, сестра её родная.

22 декабря 1997 г.

* * *

Мне обижаться? Ну уж нет,
Такая роскошь — обижаться.
Не буду даже выражаться:
Лишь приготовлю пистолет.

Ты только повернись спиной,
Пять пуль всажу между лопаток,
И никаких словесных схваток
Не будет у тебя со мной.

Лежи, валяйся, умирай,
Мое застреленное лихо
Уйду, насвистывая тихо,
Хоть это явно через край.

Уйду и в комнате своей
На рукаве своем повешусь
Ведь все равно я не утешусь
До края одиноких дней.

1992 г.

* * *

Стихи – от горестей аптека.
Ну, как держать их взаперти?
Как обездолить человека
И от печалей не спасти?

А вдруг через меня решили
Им нашептать чего-нибудь?
Наставить на какой-то путь,
Предостеречь, напомнить, или,
Или надеждой обмануть?

Всё неспроста. Зачем иначе
Мне в уши кто-то говорит?
Наверное, для передачи,
Чтоб людям нанести визит.

Я кошкою, упрятав нос,
Пригrelась на вагонной полке.
А рядом, в дыме папирос
Кольшутся о жизни толки.

Запомню, воспроизведу.
А примут – и опубликую.
Хозяев я не подведу,
Картину точно нарисую
И на чердак к себе уйду.

Март, 1988 г.

* * *

Может, чтобы дом счастливым,
Чтобы двор весёлым был,
Если заросли крапивы
Достигают до стропил?

Если пол просел подвала,
Пропуская запах хмурый,
И по стенкам добежала
Зеленца до абажура.

На седом кривом диване
Непотребные махры.
Видно, плюшем были ране,
А теперь уж вне игры.

Свет в окно едва сочится,
Профильтрован паутиной,
И по тёмной половице
Вьётся ниточкой недлинной.

Залоснилось одеяло,
Печка больше не бела.
Может радость здесь бывала,
Но давно уже ушла.

Кто запрятан здесь, убогий?
Кто здесь мыкает беду?
Незавидные чертоги.
Чуть помедлю на пороге
И на солнышко уйду.

1987 г.

Жемчужина

Так трудно волосы сушить,
Когда в морской воде макаешь —
Своим желаньям потакаешь
Наследье предков ворошить!

Они жемчужинами были,
Лежали тихо в глубине,
Но вот однажды ночью всплыли,
И при полуночной Луне
Меня на Землю поселили.

Поэмка будет небольшая,
Всё о любимой, о себе:
О горе, радости, гульбе,
О вредоносности без края,
О вредности ввиду имею,
Да вы уж пообщались с нею.

Так вот — жемчужиной меня
Маманя кинула на Землю,
И с ночи той, вернее, дня
Большие трудности приемлю.

Вся без синтеники, природна,
Я всякой радости пригодна,
Все тянут руки... Ну а мне
Общенья с людьми противны,
Всю жизнь с собой наедине
Желаю Быть! Так примитивны,

Неинтересны все в округе –
Их каждодневные потуги,
Их лжи и жадности недуги,
Поверите ль, несносны мне!

В крутую бытовуху дверь,
Увы, мне настежь распахнули,
В интриги, зависть, лёд потерь
И в непотребности втолкнули!
Теперь лишь словоблудье слышу
И от чиновников завишу!

Ещё беда – преподавание,
Студентов оголтелых стадо!
Мне ж этого сто лет не надо,
Нет к педагогике призванья!
Не нужно званий и зарплаты,

Пускай преподают прелаты!
Да, в человеческую тюрьму,
Как в ожерелье я попала.
Здесь синтетических навалом,
Камней фальшивых – всё уму
Непостижимо... Папа, мать!
Мои жемчужины родные,
Ну научите выживать
В просторах сумрачной России!

Весь год восьмой, вот этот год,
Всё кажется вы где-то рядом...
Миг – и смывается, а надо
Чтобы вы были мой оплот

Под вьюгой, градом, камнепадом!
Ведь я жемчужина – хрупка
И не защищена домишком.
А жизнь – она крутая фишка,
От милосердия далека...

Мне б снова к вам, на глубину,
Ведь там условия другие,
Там крабы ползают по дну,
Лежат ракушки дорогие,
Где можно домик обрести
И, путешествуя с теченьем,
Сквозь створки видеть в отдаленье
Подводных тварей во плоти:
То кашалота появление,
То ход пираний... Мне нужны
Морские милые картины!
Мне неуютно на Земле,
Как уголь, гаснущий в золе,
Как манекен в стекле витрины,
Я не живу, я не жива...

* * *

Ой, ну чего я вдруг разнылась?
Нет, абсолютно не права,
Ведь хоть на что-то пригодилась:
Стихи, картины, дом, семья –
Всё это есть, к чему же вопли?
И мастерская есть, моя!
Конечно, временно... Хоть лопни,

Закон не можем изменить:
Всё временно на свете бренном,
Всё матерьяльное мгновенно,
И сколь не вьётся жизни нить,
Увы, прервётся непременно.

* * *

Так что, жемчужина, заткнись!
Суши волосья после моря,
И существуй, с судьбой не споря,
Спокойно наблюдая жизнь,
Где всякому хватает горя.

И может быть когда-нибудь
Вновь угодишь на дно морское,
И сможешь в небо голубое
Из тёмной глубины взглянуть.

*13 сентября 2008 г.
Кассандра, Греция.*

* * *

В тебя, как в дверь, не достучишься.
Всегда закрыто на замок.
Десятки пробовали, тыщи
Хотели, но никто не смог.

Никто не приоткрыл загона,
В котором загнаны сидим.
Никто не преступил законов,
Рождённых промыслом твоим.

Ты правишь так единовластно,
К тебе, увы, дороги нет.
Милльоны, миллиарды лет
Взываем у дверей напрасно.

Ты абсолютно недоступен,
Неколебим и неподкупен.

Зима, 1988 г.

* * *

Потрясенье помогает
В излечении немого.
Что-то сильно потрясает
Первозданную основу.
И, пожалуйста, готово,
Уж немые говорят, всё подряд.

Проку мало от такого
Словоблудонедержанья.
Но уж коль оно прорвётся,
Шиш ему ты запретишь.

Скачет, пенится и льётся,
Всё несёт, что попадётся,
Топит чистые колодцы,
В норке зайчика и мышшь.

Я ведь числилась немойю.
Что случилось со мною?
Что случилось? Излечилась,
Словоблудью научилась.

Вот теперь как все – болтаю,
А ж из смысла вылетаю.
Бесконечными словами
Рассыпаюсь перед вами!

Так разбитая стекляшка
Рассыпается, дурашка,
И сверкает там и тут,
Пока в мусор не сметут.

1993 г.

* * *

Запруда на реке темна,
Темна и глубока.
Как будто нет под нею дна,
Бездонная река.

Стоит, молчит и не бежит,
Забвением полна.
Как будто что-то в глубине,
Лежит на самом дне.

Река, ты что? Куда вся прыть
Девалася твоя?
Ну как ты можешь не бурлить,
Как можешь ты стоять?

Ты непохожа на себя,
Вся жирная и спишь.
Ужель уже не побежишь,
Уже не зашумишь?

Иль охраняешь в закромах,
В бездонной глубине
Печаль, тоску, нелепый страх,
Утопленный извне?

Ужель в остуженной воде,
Где рыбки не снуют,
Дала приют чужой беде,
Страданию приют?

Тогда замёрзни навсегда,
И пусть умрут, не жаль,
В тебе извечная беда
И чёрная печаль.

1987 г.

* * *

Жизнь прожить – не поле перейти.
Почему? Сравнение возможно.
Что смотря встречаешь на пути.
Ведь иное поле односложно,
А иное – дьявол во плоти!

Всё бывает ямами изрыто,
И оврагом пересечено,
Или же снарядами набито -
Минным называется оно.

Но идти, идти необходимо.
Это вот и будет жизнь прожить.
От межи до следующей межи
Поведёт судьба неотвратимо.
Не слиняешь и не убежишь.

Если есть в тебе миноискатель,
Если он вмонтирован внутри,
Значит позаботился создатель,
И ему спасибо говори.

Ну, а если нет – конец несложен:
Шаг, другой и... траурная речь.
Жизнь и поле всё-таки похожи.
Не всегда их просто пересечь.

2003 г.

На Академичке

Худрук старания умножил,
Нам расслабляться запретил.
Вчера он Орлика стреножил,
Позировать приговорил.

Стоит унылая скотинка,
Рисуем с головы до ног.
Вдруг дождь и град!
Увы, заминка,
Сорвался Орлик и убёг!

Неделю после Анатолий
Его искал, найти не мог.
Мы думали: цыгане в поле
Поймали, съели скакуна,
И значит Орлику хана!

Пол месяца о нём жалели.
Когда ж собрались уезжать,
Явился он, живой и в теле!

Мы были счастливы! Как знать,
Возможно в следующий год
Нам с Горским больше повезёт!

1997 г.

Свидание с душой

Свидания таинственным мгновеньем
Мой озарился суетливый дом.
Она вошла, как светлое виденье,
Вошла и села рядом за столом.

Ну, отдохни, переживать не надо,
Вот хлеб бери, вот выпей молока...
Не слушает, не поднимает взгляда,
От слов и угощений далека.

Я замолчала, приставать не стану,
Смотрю, как бесконечно хороша,
Со мной сидит, и мне совсем не странно,
Печальная царевна Несмеяна,
Сидит моя бессмертная Душа.

Покорно на спине сложила крылья,
Безвольно опустила кисти рук,
Ни вздоха, ни протеста, ни усилья,
Настороженность и почти испуг.

Я онемела, говорить не смею,
Я на неё смотрю во все глаза.
Что я с подругой сделала своею?
Ужель поправить ничего нельзя?

Замучила, забила, истерзала,
На раннее старенье обрекла...

Разве такой была она сначала?
Нет, веселей, беспечнее была!
Дела мои её не огорчали,
Мы жили близнецами, в унисон,
Аккордом гармоническим звучали,
И даже наши общие печали
Напоминали краткосрочный сон.

Когда ж я не заметила разлада?
Её забыла и пошла одна,
В людской цивилизации обряды,
Туда где шум, смятение, война...

Не поняла и не уразумела
Трагедию! Да как же я могла?
Ушла вдвоём с беснующимся телом,
А Душу взять с собой не захотела,
Её не нужно там, куда я шла.

И всё. Теперь желает распроститься
И навсегда оставить наш дуэт.
Душа моя, божественная птица,
Ужель для нас альтернативы нет?!

Ну подожди... Ну, видишь, я сморкаюсь,
Глаза прикрыла белизной платка...
Ну посиди, ну выпей молока,
А я пока в содеянном раскаюсь!

8 апреля 1994 г.

* * *

Зима, зима, опять зима!
По счёту семьдесят вторая.
Всё та же белая, святая...
Я лучше времени не знаю
Ни для души, ни для ума.

Сегодня реквием звучит –
Спокойствие и примиренье
Со всеми планами творенья,
Со всем, что было, предстоит,

И есть сейчас... Но ничего
Тоскою душу не объемлет
И не страшит – и нас, и землю,
Я знаю, любит Божество!

Хозяин, тот, кто создал нас,
Чьи замыслы мы воплощаем,
Живём, смеёмся и страдаем,
Воюем, любим и рыдаем,
И в им определённый час
Земли пределы покидаем.

Волшебно голоса звучат,
И снег на землю и на крыши
Летит, спадает, тише, тише...
Зимою краски говорят,

Их просто надобно услышать.
Как тёмно красные важны,
Как серебро в свечах играет,

И как листы на стол роняет
Сухая ветка бузины.
А в зеркале, в пространстве мутном,
Какой чудесный мир осел,
И врубелевским перламутром
Оклад иконы заблестел...

Лик тёмный светлым стал, смягчился,
Рефлексы снега и на нём,
Простил, со мною примирился
И улыбается тайком.

Простил... Он просьбами моими
Растрогался. А снег идёт.
И хор о вечности поёт,
И скрипки звуками цветными
Весь переполнен небосвод.

2005 г.

У кого-то может вечность
Впереди, не у меня.
Проявила я беспечность,
Отказалась от коня.

Отказалась и осталась
На обочине пути.
Да ещё томит усталость.
Как мне далее идти?

Вижу, скачет Дон Хенаро
В свой сияющий Иксленд.
Знаю, я ему не пара,
Всё же, всё же на момент

Задержу, спрошу дорогу,
И совета, как идти.
Он хороший, пусть немного
Поспособствует в пути.

Погоди, постой, волшебный!
Дон, пардон, притормози.
Указанием целебным
Мои выпрями стези.

Ну а может быть с собою
Заберёшь на солнцепёк?
Твои правила усвою,
Быстро выучу урок.

Придержал коня и руку
Протянул. Взвилась в седло!
Одиночество и муку,
Всё, что было тяжело,

Позабыла на дороге.
Замелькал строений ряд:
Пирамиды, синагоги,
Церкви, пагоды летят...

Дон Хенаро, побыстрее!
Нам дорогу не искать.
Прах веков от ног развеем,
И до вечности сумеем
Очень быстро доскакать.

12 октября 1992 г.

Ножаз

ПОЭМА

“И вывихнут у времени сустав...”

В. Шекспир “Буря”.

“Ну, вы Москву знаете, надо полагать?

Стало быть, описывать её нечего.

Чрезвычайно нехорошо

на её улицах в ноябре”.

М. Булгаков “Театральный роман”.

Индивид мой слышал, видел,
Как судьба себя ведёт.
Изменить теперь не выйдет
Поведенческих красот

В перечне её деяний –
Я ж писатель-реалист.
Так что, милое собрание,
Слушайте, коль собрались.

Опечалена сидела
Дома на исходе дня.
Мысли праздные вертела –
О разгуле беспредела,
О полцарстве за коня...

На коня мне поздновато,
Царства и в помине нет;
Исдержалась я, ребята,
Как когда-то мой поэт

Пушкин. Тоже жил непросто,
Так что нет причины ныть,
Моя горечь, как короста –
Сковырнуть и позабыть.

Поднялась, пальто надела,
Прогуляюсь. В лифт влетела,
Но он тотчас поломался,
Умер... Или притворялся.

Всё ж прогулку не отрину.
Показав кабине спину,
Я по лестнице спустилась
И мгновенно очутилась

На Тверской, среди толпищи,
Средь реклам, бездомных нищих,
Плеернутой молодежи...
До чего же непригожи
Были встреченные лица!

Мать-столица огорчает.
Существо моё желает
С ней надолго распроститься,
Лучше даже насовсем!

Только есть на мне оковы:
Кот, уехать неготовый,
Сто семейственных проблем,
И, конечно, мастерская,
Институтские дела...

Лучше просто помечтаю,
Как бы я Москву сожгла...
Не сама, конечно – Пушкин!
Гений, взятки будут гладки.
Кстати, вон идёт в крылатке
Позади хромой старушки.
Я к поэту подскочила,
За крылатку ухватила:
“Здравствуй, Пушкин, добрый вечер,
Очень кстати наша встреча!
До тебя имею дело –
Нужно, чтоб Москва сгорела,
Не моей, твоей виною!
Подожди, не спорь со мною.
Лучше выслушай сначала,
Я не всё ещё сказала.
В град былинный, в град старинный,
Что так мил тебе, поэту,
Ты пришел, но града... нету!
Я ж реальную картину
Показать тебе сумею,
Информацией владею.
Всю скачаю, всю до точки,
Чтобы смог определиться –
Подпалить Москву-столицу
Или с миром удалиться
Из российской заморочки.

Кстати, как сюда добрался?
На лошадушках в карете?
А, вон вижу, след остался
На Тверской. Не могут эти
Обладатели карданов –

Джипы, опели, седаны –
След полозьев уничтожить;
Мерседес – и тот не может!
След глубокий и корявый...
Ты не видишь? Странно, право...

Ах, ну да, ведь след словесный
На бумаге мной оставлен...
Ты прочёл? Мне очень лестно.
Понял, что сегодня сплавлен

Путь наш общий по системе,
По московскому содому?
А какой маршрутной схеме
И водителю какому
Подчинён – имеет мало
Для обоих нас значенья.
Всё, вступление написала,
Гениальное вступление!
А теперь пойдёт второе!
Не бывает так? Да что вы!
Правил нет в семье стиховой,
Управляют здесь, не скрою,
Только авторов причуды
Самой разной амплитуды!

Да расслабьтесь, пошутила;
Хватит одного вступления.
Счас начну по мере силы
По сюжету продвиженье.

* * *

Телеграф. Отсель начнётся
Перечень деяний наших:
По Тверской пурга несётся,
Под ногами снега каша,
Воздух выхлопами съеден,
Гул машин тиранит уши,
Задыхаясь, Город бредит,
Он почти уже задушен,

В нём спрессованы стенанья
О зарплате, о работе...
“Тётяшка, ну вы даёте!
Что ж на нас с тележкой прёте?
Нам с баулами братанье
Ни к чему! Я понимаю,
Давит кризиса громада,
Вам дорогу уступаю,
Но толкать меня не надо!”
Ну, а Пушкину сказала:
“Всё, толпа меня достала!
Нам бы в улочку потише
Вон Георгиевский – ниша
Тишины”. Мы завернули,
Только там свистели пули...

В подворотню заскочили,
Чтобы нас не замочили,
Постояли, подрожали,
Перестрелку переждали
И к Петровке зарулили.

Смотрим – всюду в изобилие
Расстановлена охрана,
Охраняют очень рьяно
Драгоценность – Думу нашу!
Думает страны мамаша
О себе весьма толково.
А о нас? Ну что вы, что вы!
Некогда! Всё заслонили
Прибыли, автомобили,
И недвижимости горы,
И лакейство до упора...
Ты желаешь разбираться?
С властимущими бодаться?..
Александр, ну ты же знаешь –
Стену лбом не прободаешь!

А тем боле – нашу Думу!
Мы ж её избрали сами.
Так что, если жаждешь шуму,
Нет проблем – бодайся с нами!
Иль с боданьем перебьёмся?
Вниз ещё слегка пройдемся,
Метров сорок – просто рядом –
Пресса! Вот куда нам надо.
Орган десятилистовый
Под названием “Всё хреново!”

Желтоватый, актуальный,
Популярный и нахальный.
В нём засели журналисты,
Чей энтузиазм неистов:

О разборках криминальных,
О проблемах сексуальных,
О политиках публичных
Пишут! Заплати прилично –
И получишь по заказу
Обличительную фразу,
Иль... восторги и салюты –
Всё зависит от валюты!
Внутрь не тянет? Понимаю...

* * *

Значит – дальше! Дальше, с краю
Переулка - колоннады
Темносерая громада.
К ней ковровая дорога,
Фейсконтроль, охраны много,
Ягуары, лимузины,
Куча импортной резины...
Здесь пригнулся клуб элитный:
Зеркала и секьюрити,
Из раскопок Нефертити,
Счёт услугам динамитный!

В кабинетах позлащенных
Антикварные приборы,
Но... пасётся та же свора
Личностей определённых;
На валюте крезанутых.

Славы, власти атрибуты,
Биржевые перспективы
Им безумно интересны –

Этому альтернативы
Нету в кулуарах местных.
Вон, смотри, здесь Петя Длинный –
Пуп морального уродства.
Только это не причина,
Чтоб не стать у руководства –
У трубы, у нефти, газа,
В окружении спецназа.

С ним друзья – Ахмед и Витя,
Толстый Гиви, лысый Вова...
Ну а рядом секьюрити
Охраняют клан голдовый.
Как насчет чтобы согреться?
Может выпьем и закусим?
Фаршированные перцы,
Шашлыки, икорка, гуси...
Между преданных клеветов
Потусуемся немного?
С интеллектом тут убого,
Но уж так ли важно это...
Типы, типы-то какие!
Где ещё, кроме России...
Нет? Не нравится компания?
Не из тех цветов букеты?
Впрочем, мы не так одеты,
Нас не пустят в это зданье.

Под крылаткой, может, бомба
У тебя! Такое время...
Александр! Я знаю дом, где,
Просочившись внутрь со всеми,

Даже может, даже может,
Там окажемся в почёте -
ЦДХ – приют художеств!”
“Ну и как вы в нём живёте?”

“Да, по-разному, наверно,
Как когда...” “Я понял – скверно!
Но – войдём... Ой, я такого
Никогда ещё не видел:

Куры вон на Льва Толстого
Какают – неслабый видик!
Гольй мечется по клетке,
Испражнился в уголочке...”
“Пушкин, это всё цветочки –
Посмотри, вон две брюнетки
Трахаются принародно,
И вальяжно, и свободно!

Им вчера диплом вручили
За эмоций изобилье,
А сегодня – по медали
За курчавые детали!
Но народ проходит мимо,
Траханье неинтересно,
Ибо нынче повсеместно
В обороте секс любимый.

Вон и рядом – половые
Органы во всей красе
Прыгают, словно живые,
Голограммой в полосе

Света! Ну, а в чём здесь фишка,
Даже я понять не в силах.
Далее – из тела жилы
Тянут дядечки в манишках,

Тело корчится, страдает,
Рядом лихо разъезжают
Инвалиды восковые,
Жуткие, словно живые...

Ну, мой гений, впечатляет
Экспозиция? Что это?!
Как нежна душа поэта...
Тошноту до туалета
Донести не позволяет,
Видно, сильно впечатляет..."
Что ж, утёрся, извинился...
Пусть подумают – напился.
И слиняли мы из зала,
Нас культура доконала.
Мост прошли по снежной каше,
Мимо почты, мимо львов...
Стоп! Собор – духовность наша,
Это ж глыба – будь здоров!

* * *

Посмотри, какаяковка
Мощных бронзовых ворот,
А внизу ещё парковка,
Зимний сад, кафе-столовка...
Где святейшая тусовка

В пост вареники жуёт
С сельдереем и морковкой...”
Покривил приятель рот:
“Впечатляет упаковка...
Только Бог здесь не живёт.
Куда более уютно
Чувствует себя меж нами”.

“Ты уверен?” “Абсолютно!
Что ему холодный камень?
Бронза, серебро и золото,
Пышных проповедей пыл...
Были бедными ребята,
Те, что им от мира взяты,
И Учитель бедным был”.

“Не скажи, – я отвечала, –
Злато-серебро порой
Поклонение рождало,
Как в театре, где игрой
Оживляются костюмы,
А костюмами – игра”.

Он сказал: “Но только юмор
В том, что за театра шумом
Начал меркнуть свет Добра!

А ведь он в приоритете
Должен быть! Ведь в этом свете
Весь Христос, его ученье!
У тебя другое мнение?
Или, думаешь, рулады,

Золочёные оклады,
Изобилие словес
(Кстати, это всё вразрез
Наставлениям Христовым)
Вам нутро заменят новым?
Выучат не убивать,
Не стяжать, не воровать,
Рубашонку отдавать...

И, наставнику внимая,
Оплеухи получая,
Снова щёки подставлять?
Ты на голову больная?
Иль дурачишься, не знаю...”
Я поэту погрозила:
“Пушкин, эк тебя заносит!
Или Муза позабыла,
Что покоя сердцу просит?
Позабыла, как с Балдою
Ты по ссылкам намотался,
С Гавриилом облажался...
Хочешь, чтобы и со мною
То же было?” Засмеялся:
“Да, поездил я немало,
Власть не одобряла шутки,
Из столицы высылала
На года, не на минутки!

Но ведь не в лесоповалы,
А в полуденные страны.
Ты в Крыму, поди, бывала,

Помнишь море и каштаны?
Вот уж где я накупался!
Поскандалил с Воронцовым,
Пасквили писал, влюблялся,
Ну а после с Кишинёвом

Навозился – ах какие
Там случались романы!
Ароматы страсти пряной,
Словно бурная стихия,
Уносили сердце...” “Ладно!
Может, хватит излияний?..
Вон уж верх кремлёвских зданий
Появился. Как досадно,

Что в пушистой снежной каше
Свет фонарный еле-еле
Обозначил тени елей
И ворота древних башен...

Всё ж узнал столицы нашей
Центр? Вон короб мавзолея...
“Это что?” – он удивился.
Я, реакцию лелея,

Отвечала: “Раз случился
Путч у нас, давно то было;
Его лысенький водила
Здесь лежит, ну а могилы
Вкруг – соратников могучих,
Что восстали черной тучей,
В плен мамашу Рашу взяли,

И полвека диктовали
Ей жестокие условия!
Тут лежит их поголовье.
Что примолкнул, милый гений?
В мавзолее войдём, быть может?
Там же вождь, вернее – кожа,
Высохшая от мучений.
Выставлена для поклонов
Сотен, тысяч, миллионов.
Видишь, очередь змеится?..
Встанем? Или вновь случится
Здесь конфуз, как в галерее...
Что ж, тогда уйдём скорее”.
Загрустил он: “Да, бывало,
Площадь Красная встречала
Пирогами, каруселью,
Скоморохами, весельем,
Квасом, выпивкой нехилой,
А теперь – одни могилы...

Вашему дивлюсь наиву –
Могут люди жить счастливо,
Если в самом сердце града –
Мёртвый, и вокруг распада
Атмосфера – пепелище,
Череп, гробы, кладбище...
Что ж вы в эпицентре самом
Спрограммировали драму?

Да, в системе стародавней
Площадь кровию багрили,
Но ведь здесь не хоронили...”

“Ладно, Пушкин, хватит! Явно
Перегнул ты, заморочил
Мне мозги... А дело к ночи...
Вон морозцем как схватило,
Нос твой стал почти что белый...
Да, поэт, прикид-то хилый,
Подзамёрзло твоё тело”.
Тут мы с площади смотались...
Ладно, где ещё остались
Нам в Москве аттракционы?
Их в столице – миллионы,

Необъятная громада,
Но метро увидеть надо!
Ведь в столице без тоннелей,
Как в Марселе без борделей.

Опустились в подземелье,
Многолюдно очень-очень...
Завершился день рабочий,
Дальше – отдых и веселье.

Катится народ усталый
В кухни, к мирным посиделкам,
К чашкам, чайникам, тарелкам,
В телевизоры гляделкам,

Или к выпивкам, скандалам –
Может даже перестрелкам –
Что кому судьба послала.

Всё пространство заполняют
Без просветов, без лазеек,
А потоки обрамляют
Попрошайки – ждут копеек...
Старики, бомжи, старухи,
На картонках грязных сидя,
Просят, просят... Кто не видит,
Кто не слышит – тугоухий...
Рядом бывшие герои –
Нет им здесь приоритета.
Ручек, ножек тоже нету –
Это ж бедствие какое!

Гимнастёрки на обрубках,
Чтобы сразу было видно –
Побывали в мясорубках!
Ох, как больно и как стыдно,
Будто мы в Чечню их гнали!
Ордена бренчат, медали...
А ведь им всего по двадцать,
Лучше б целыми остаться.

Здесь же греются собаки,
Туфли, платья продаются,
Песни жалобные льются,
И рекламы раздаются
Надоедливые враки.

А вверху над головами
Разноцветные плакаты:

Призыванье к каждой маме
Новеньких рожать ребяток,
Чтоб всегда была замена
Неповинно убиенным.
А правительство заплатит,
Всем на похороны хватит.

Ну, приехали, выходим.
Поутихла вьюга вроде,
Так вокруг спокойно, бело,
Будто бы метель не пела.

Мягко светятся витрины,
Путь до площади недлинный,
Вот она – бульвар, фонтаны,
Липы старые, скамейки...

Всё в снегу – покой желанный
Снизошел, как душегрейка
На отчаянно уставших,
Мегаполису отдавших
За день – мысли, сердце, душу,
Ставших жалкой оболочкой,
Рыбой, брошенной на сушу,
Болевою серой точкой...

Тьфу, я вновь перестаралась!
Аж, похоже, замаралась
Этой жуткой писаниной!
Но ведь для чего? Едино

Для тебя! Чтоб ты былинной
Музыкой не увлекался,
А увидел всё реально,
Сделал вывод гениальный,
А уж после расстарался
И осуществил решение,
Может даже и сожженье...
Только – сам! Молчу, немею,
На тебя влиять не стану...
Посмотри от мавзолея
Сколь протопали... Так странно –
Я заметить не успела,
Как Тверскую ночь одеда.

Ну а мы на площадь вышли
Здесь Ты, бронзов и печален.
В высоте... Какие мысли?
Что предложишь? Вон в подвале

Общепит... Мы заскочили,
Сели к телику спиною,
В нём резвились в порно стиле
Тёти с дядями... Не скрою –

Надоели! И тебе бы
Надоели! Задолбали!
Словно нам одна потреба –
Сексуальные детали!
Что поделать – город сдался,
В койку лёг и там остался.

Населенье нижней частью
Управляемо в столице.
Интересны нам не лица –
То, что ниже поясицы.
А в подвале свет гасили,
Закрывалось заведение.
Всё же чаю нам налили,
Их сразило наважденье
В бакенбардах и в крылатке,
С рыбьим мехом на подкладке...
Пирожки с капустой съели,
И тогда уж полетели

Мои жалобы поэту:
“Александр, да что же это?!”
Не могу смотреть спокойно
На обилие мучений!
Помоги, всесильный гений!
Ведь такое положение
Человека недостойно!”
Он сказал: “Позволь подумать.
Что ты хочешь – много шума,
Взрывов, светопреставленья
И всеобщего сожженья?”

Чтоб гроза, потоп, цунами?
Можно... Только в этой драме
Все погибнут без разбора!
Или мягче приговора
Просишь?” “Ты меня мудрее,
Сам реши. Что мы имеем –

Ты увидел... Может просто
Заберёшь меня отсюда?"

Засмеялся: "Ну и просьба!
Нет, потворствовать не буду
Эгоизму. Сам когда-то
Им грешил – и вот расплата:
Если в мире безнадёга –
Матерьяльности убогой
Царство в людях – враз поэта
Изымают с того света,
Посылают разбираться –
Всё, извольте расстараться!

Власть дают... Сейчас, постой-ка,
Ею я распоряжуся,
Властью! Ну а ты, не труся,
Всё прими! Ну, значит: тройка,
Туз семёрка! Всё!" Снаружи
Полетели вопли, стоны,
Грохот – словом, тёмный ужас!!!
Я на хаос законный
Устремила взор – валились
Здания, пламя полыхало,
Лавой огненной пролились...
(Пролились, конечно... Мало

Вам грамматики? Ну, нате!)
Пролились тротуары!
В этом ужасе приватен
Был подвальчик наш... К оплате

Счёт предъявлен! Вся Тверская
Стала огненной рекою!
Вмиг сгорев, толпа людская
Переставши быть живою,
Под камнями строений
Улеглась, не ощутима,
Не видна... И мимо, мимо...
Мимо светопреставлений

Снова снежные бураны
Полетели, заметая
Происшедшее... Всё, хватит!
Нет у нас! Ура расплате!

Нет столицы! Лишь летает
Пепел серый средь метели,
Снег его к земле сбивает,
Сквозь него уж еле-еле
Видны странные скелеты
Монстров-зданий стометровых,
Голы, больше не одеты
Стёклами... Не стало новых
В ярком пластике мостов –
Спёкся город, всё, готов!!!

Серым пеплом в холод неба
Родственник холодным тучам
Канул, будто бы и не был,
И пришла – чего уж лучше –
Тишина... “Ну что, довольна?”
Я сидела в шоке.. Больно,
Больно быстро всё случилось,

Сердце бабочкою билось,
В такт подрагивало тело...
“Ну, ты этого хотела?”

“Нет! А... то есть, да, наверно...
Но осмыслить не успела,
Больно быстро всё сгорело,
А во мне больные нервы...
Мог бы, мог бы подготовить
Описать...” “Ты прекословить

Собираешься? Напрасно.
Поднимайся, чай остывший
Отодвинь, и в город бывший,
В пепел тёплый, безопасный

Можешь выйти...! Ненадолго.
Нам теперь скатать за Волгу,
За Урал... Ещё работа
Предстоит. Ну и кого ты
Ищешь жадными глазами?
Ах, любимых? Эти с нами!
Вон приткнулись у ступеней.
Кошки тоже”. Из подвала
Вышли мы. Не завывала
Вьюга, бывшие строенья

Сгинули, одна равнина
С кочками и бугорками
Расстилалась перед нами,
Снежная. Наш путь недлинный
Шел по белому пространству,
Бывшему вчера Тверскою...

Не жалела я, не скрою,
Что сгорело окаянство
Мегаполиса крутого:
Олигархи и основа
Государства, то есть Дума,
Что сгорели шмотки ЦУМа
И кроссовки фирмы “Пума”...
Застегнув на кнопки куртку,
Села в Сашину карету.
Кошек – Мишу, Брошу, Мурку
(Они шубками одеты)
На колени посадила,
И карета покатила.

* * *

Познакомился с семейкой
Александр, я всех назвала...
Усмехнулся: “Ну, злодейка,
Доставай, что из подвала
Умыкнула! Так и думал –
Пирожки и термос чаю,
И стаканчики... Без шума!
Хватит всем, я угощаю.
У меня же вы в карете –
Территория приватна!
За сожжение не в ответе,
Так что ешьте... Путь обратный
Никому из вас не светит!
Рады? И куда б хотели?
Всё ж страдали вы, сгорели!
Так что враз в Эдем прибудем,

Кроме этой вот бедовой
Дамочки... Её я снова
Поселю на Землю к людям.
Пусть научится смирению,
Доброте и всепрощению.
В недовольствах горько каясь,
Пусть живёт, не возмущаясь
Окруженьем... Если сможет,
Жизней эдак через двадцать
К нам в Эдем прибудет тоже.
А теперь пора прощаться!
Здесь мы высадим мадаму –
Вон под соснами домишко...
С ней остаться хочешь, Мишка?
Ну какой же ты упрямый!
Что ж, останься, коль привязан.
Но учти – в любое время
Можешь к нам! Ты не обязан
С ней страдать! Ну, всё! Со всеми
Попрощалась? Мы желаем,
Чтоб очередное бремя
Жизни на Земле встречая,
Ты всегда была бы с краю,
В зоне мудрости, покоя...
С популяцией людскою,
Обретала примиренье”.
И умчалось наважденье...
Что, конец стихотворенья?
Нет, постойте, что-то мало
Об финале я сказала.
Тихим вечером мы с Мишей
Погрустили на крылечке,

И в свою земную нишу,
То есть в дом пошли... Я печку
Истопила, всё здесь было –
Соль, дрова, крупа и свечи;
Кашу сделала из гречки,
Мише рыбки наварила,
И пошла с ведром на речку...
Что ж, считаю, подфартило.
Здесь, законы уважая,
Буду ждать, себя смирив,
Буду ждать... Со мною Миша
Тоже будет ждать, наслышан,
Что в Раю всего навалом,
Даже кошек по подвалам,
И подвалы не забиты...
Вот теперь уже finita.

А в finite всё путём,
Всё, чем кончилась проделка:
Дремлет в соснах старый дом,
С копотью под потолком...
Сделать надо бы побелку,
Да уж какнибудь потом...
Подождет ремонтник мелкий.

А в пространстве за окном,
Словно божия гляделка,
Поднялась Луны тарелка
И повисла над холмом.

12 июня 2009 года

Альбина Георгиевна Акритас действительный член Российской Академии художеств, член президиума Российской Академии художеств, профессор, Народный художник России, член союза писателей России, лауреат многочисленных премий, в том числе премии правительства Москвы, Дей-

ствительный член Международной академии культуры и искусства.

Альбина Акритас окончила Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина, участник многочисленных выставок в России и за рубежом. Её произведения находятся в собраниях Государственной Третьяковской галереи, Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, в музеях других городов России и за рубежом.

Это её третий стихотворный сборник.

ББК84 Р6
А 40
ISBN

© Акритас А.Г., 2011

Альбина АКРИТАС

Стихотворения и поэмы

Ответственный редактор Подлыжняк Е.М.
Корректор
Верстка

Подписано в печать 26.10.2011 г.
Формат 60х90/16. Объем 36 п. л. Бумага мелованная.
Заказ № 3189. Тираж 200 экз.
Отпечатано в ОАО «Подольская фабрика офсетной печати».
г. Подольск, Ревпроспект, 80/42.
Тел.: 8 (4967) 69-97-22, 8 (4967) 69-97-29.
E-mail: offset@podolsk.ru